

КОСТЁР

2
ФЕВРАЛЬ
1995

В этом номере:

Жива ли собака Баскервилей!

Викторина-5000

Киновидео. Один из трех гардемарин

Из Кремля без пропуска

СЛОВАРЬ ИНТЕРЕСНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

КОНКУРС ЮНЫХ ДЕТЕКТИВОВ
В КЛУБЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

БАРАБАН. «Расскажу о себе»

ОДНАЖДЫ БОРЬКА К...

«Дерзновению под...

Из рассказов о П...

Веселый звонок

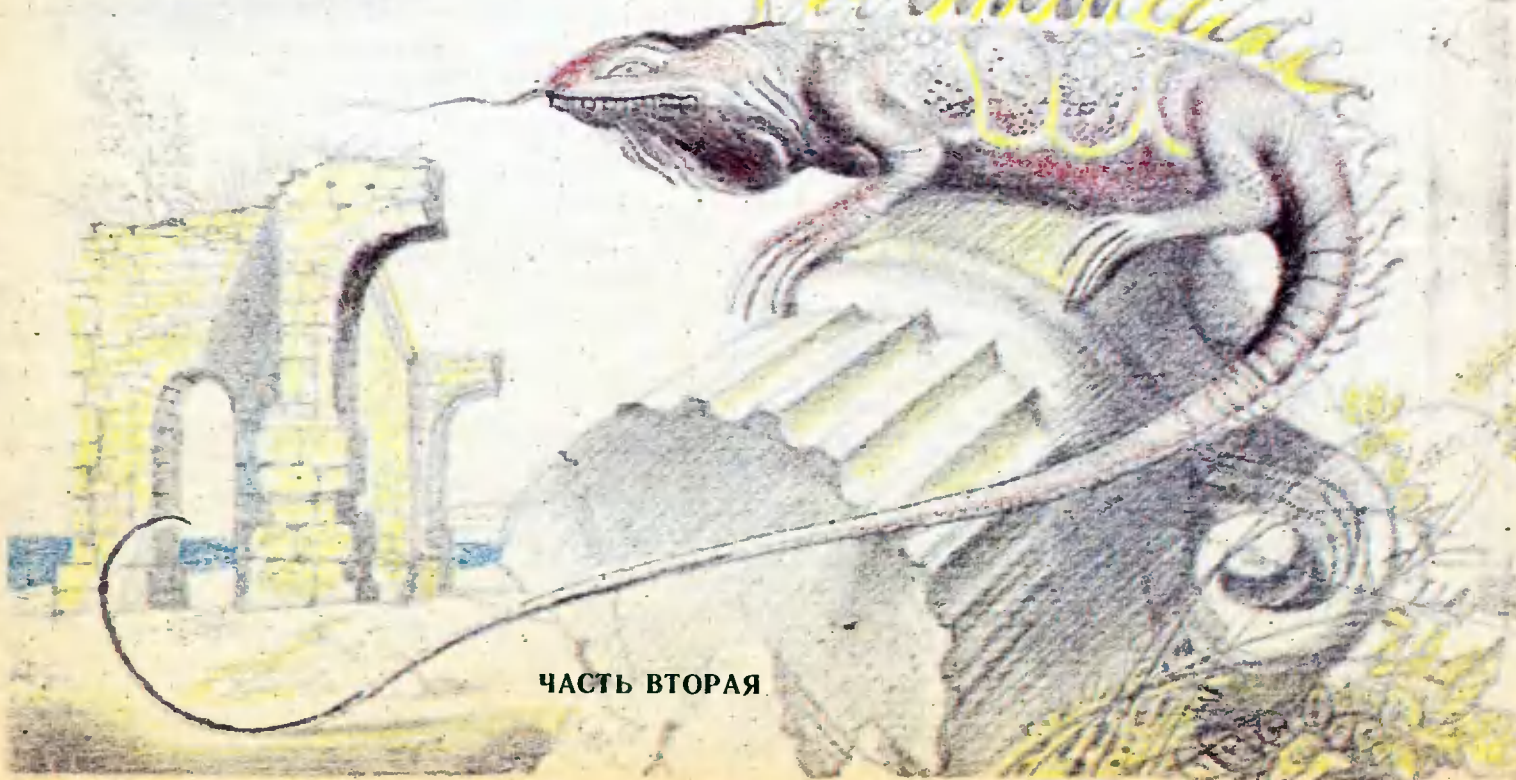
РАССКАЗ Ф. АБРАМОВА

ISSN 0130-2574

ДЫРЧАТАЯ ЛУНА

фантастическая повесть

*Владислав
Кративен*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Главный редактор О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия: Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ, А. Ю. ТЮЛЮБАЕВ,
Н. В. ХАРЛАМПИЕВ (зам. главного
редактора), А. Я. ШКОЛЬНИК

Над номером работали: А. П. Госто-
мыслов, Л. М. Московский (художест-
венный редактор), Е. М. Пожидаева,
Н. Ю. Жуланова (технический редак-
тор), М. В. Тахистова

Адрес редакции: 193024, Санкт-Петер-
бург, ул. Мытнинская, 1/20. Телефон:
274-15-72

Сдано в набор 12.02.1995. Подписано в печать
06.03.1995. Формат 60×90 1/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4. Усл. кр.-отт. 16.
Уч. изд. л. 5,8. Тираж 31 000 экз. Заказ № 1644.
АООТ «Иван Федоров». 191126. Санкт-Петербург,
ул. Звенигородская, 11

Рукописи не рецензируются и не возвращаются,
а решения по ним сообщаются.

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской
Федерации по печати. Рег. № 012647

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

АШОТИК

В доме, который закрыл от Леся Казачий мыс, было девять этажей. С помощью телескопа и компаса Лесь точно высчитал, где там нужная квартира, нужное окно. Получилось — на четвертом этаже, пятое слева.

Оказавшись перед домом, Лесь посчитал еще и вычислил: второй подъезд, квартира тридцать три.

Он поднялся и позвонил. Без особой робости, но с сомнением: что за люди его встретят, поймут ли?.. Житель тридцать третьей квартиры открыл дверь без промедления.

Это был небольшой житель, года на два помладше Леся. Круглый такой, даже толстоватый. В просторных вельветовых брюках, в красном пушистом свитере. Лесь заморгал от удивления: увидеть при нынешней погоде мальчишку в таком наряде — это все равно, что... ну, скажем, встретить среди пальм белого медвежонка.

Лицо «медвежонка» тоже было круглое, а нос с горбинкой. Пока Лесь мигал, толстячок поднял на него бархатисто-коричневые, очень серьезные глаза и отчетливо сказал:

— Здравствуй, мальчик. Ты пришел по объявлению? Заходи, пожалуйста,— и он широко раскрыл дверь.

Лесь не успел удивиться снова, он услышал женский голос:

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

КАПИТАН

Зима, а может, лето,
Зюйд-вест или норд-ост.
Идет подлодка где-то —
Ни облаков, ни звезд.

Полгода не всплывав
Таранить океан —
Обязанность такая,
Товарищ капитан.

Пронизан путь радаром,
Спокойны дизеля,
И на тебя недаром
Надеемся Земля.

Недаром под пилоткой
Прибавилось седин.
Всплывет твоя подлодка
Дельфином из глубин.

И ты сойдешь на берег,
Стирая соль с лица,
Где ждут тебя,
Где верят,
Где любят до конца.

Сойдешь ты, чтобы вскоре
Услышать все равно,
Как там вздыхает море,
Как ждет тебя оно...

Рисунки Ш. Ворошилова

ВИКТОРИНА-5000

Эта викторина посвящена истории и ботанике. Для того, чтобы отгадать ключевое слово, надо определить название цветов и ответить на вопросы, напечатанные возле каждого из этих растений. Если расположить ответы на вопросы в алфавитном порядке, то по первым буквам названий цветов можно прочесть имя новгородского посадника, для которого в 1057 г. было переписано Евангелие, ныне считающееся древнейшим датированным памятником отечественной письменности и хранящееся в Русской Национальной библиотеке Санкт-Петербурга.

1. Почетное добавление к фамилии, которое вместе с графским титулом получил А. В. Суворов в 1789 г. в память о его блистательной победе (25 тыс. войска против 100 тыс. у противника) над турками на территории нынешней Румынии.
2. Прозвище Алексея Михайловича, второго царя из дома Романовых, отца Петра Великого.
3. Река, приток Дона, исподалеку от которой и поныне расстилается Куликово поле.
4. 2 мая 1945 года над берлинским рейхстагом было водружено красное знамя Победы. Честь это сделать выпала на долю двух солдат. Фамилия одного из них, русского, была Егоров. Как фамилия второго, грузина по национальности?
5. Русский землепроходец, мореплаватель, исследователь Крайнего Севера, в его честь названа крайняя точка северо-восточного окончания Азии и бухта Берингова моря.

6. Выдающийся русский государственный деятель, крупнейший реформатор начала XIX в., учредивший Государственный Совет — законодательный орган, просуществовавший в нашей стране более 100 лет.

7. Название города, в котором был подписан мир трех последних коалиционных войн, в том числе и Отечественной войны 1812 года, против Наполеона.

8. Барон, генерал-лейтенант, один из крупнейших руководителей «белого дела», главнокомандующий Русской добровольческой армией в Крыму в 1920 г. во время гражданской войны.

Ответы на задания в № 11—12

1. Животное — тур. Буква — У.
2. Ребус — КИТ. Буква — К.
3. Силуэт Греции. Буква — Р.
4. Верно только одно утверждение — первое. Буква — А.
5. Фамилия Пети — Бачей. Буква Б.
6. Скульптура изображает Самсона. Буква — С. Известны буквы У, К, Р, А, Б, С. Слово — БАРСУК.

Условия викторины см. в № 1.

чал умело раскладывать на паркете игрушечные редьсы. Лесь неуверенно сел рядом с ним на корточки, стал помогать. Они перепутались руками, и Ашотик вдруг взглянул грустно и помято:

— Нет, ты не играть пришел. Ты по делу, да? Лесь не решился признаться сразу. Сказал уклончиво:

— Послушай, а что за объявление, про которое ты говорил?

Ашотик вскочил.

— Это вот! Такое... — схватил со стола, протянул бумажку. На машинке, под копиру, было напечатано: «Отдаются в хорошие руки котята. Месячного возраста. Серые, пушистые. Бесплатно. Пожалуйста, приходите по адресу: улица Казачья, дом 1, квартира 33. В любое время».

— Я сейчас! — Ашотик выбежал из комнаты и тут же вернулся, удерживая в охапке четырех котят. И правда пушистых, серо-полосатых, дергающих лапами и хвостами. Следом торопливо пришла худая кошка, тоже серая. Сразу видно, мама.

Ашотик выпустил котят перед Лесем. Двое тут же сцепились в дурашливой борьбе, один заскакал вокруг матери, а четвертого Лесь успел ухватить. Тот кусал его за палец, а потом разнеженно заурчал — когда Лесь посадил его на грудь и стал чесать за ухом.

— Какой хороший,— заулыбался Лесь.

— Тебе нравится? Бери, пожалуйста!

— Некуда,— Лесь вздохнул.— У нас уже есть кот. Пожилой. Его зовут Шкипер. Раньше он с дядей Симой на яхте ходил.

Ашотик опять вскинул коричневые глаза.

— А дядя Сима — это кто? Лесь загнулся лишь на секунду.

— Это... мамин муж. Как отец мне, хотя и не родной. Он хороший... И Шкипер хороший. Даже морские команды понимает.

Ашотик задумчиво кивнул. Лесь протянул ему урчащего котенка. Ашотик взял, свел темные брови, сказал вполголоса:

— Может быть, и хорошо, что никто за ними не приходит. Пусть еще побудут с мамой. А то ведь грустно расставаться...

— Да,— согласился Лесь. И ощутил какое-то беспокойство.

Ашотик спросил:

— Скажи, пожалуйста, ты по важному делу пришел?

— Да... — выдохнул Лесь. Ашотик был, конечно, невелик, но серьезность его давала надежду на понимание. К тому же и сам Лесь был не больше, когда начал делать свои открытия.

Ашотик вежливо и выжидательно молчал.

— Послушай, у вас в квартире есть окна в сторону моря?

— Конечно, есть! На кухне есть, где бабушка. Пойдем, пожалуйста, я покажу.

Лесь немного стеснялся бабушки, но Ашотик за руку решительно повел его на кухню. Дверь ее оказалась точно против двери в комнату Ашотика, и это была великая удача. А то ведь могло случиться, что кухонное окно не просматривалось бы из комнаты, и тогда какой от него прок. Но сейчас Лесь, оглянувшись, увидел через две распахнутые двери и оконные стекла склон холма и белые домики Французской слободки, а впереди — в раскрытом окошке кухни — Казачий мыс и решетчатую башенку с зелеными искрами на маячном фонаре. И широко синеву, на которой, как белые ростки, проклеивались яхтенные паруса...

ходит с ними рядом. Они рассчитывают, что им ответят читатели, кого заинтересует их рассказ, кто думает и чувствует так же.

РАССКАЖУ О СЕБЕ...

Когда по телевизору слышу классическую музыку, я танцую, воображая себя балериной. Иногда я говорю себе: «Хватит об этом думать, балерины занимаются до седьмого пота, и я никогда не стану балериной». Я завидую тем, кто не так сильно мечтает! Дома каждый день делаю зарядку, растягиваюсь. Одна девочка мне сказала: «Будь домашней балериной». Но я хочу быть настоящей.

Оля В.,
Новосибирск

Мне уже исполнилось 13 лет. Все говорят о переходном возрасте, и у нас, парней, тысячи проблем. Иной раз не знаешь, как заговорить с девочкой. На нас часто просто не обращают внимания и держатся только женского общества. Однажды я попытался заговорить с девочкой, но она посчитала меня за дурачка. А иногда так хочется поговорить, просто так.

Т. Г.,
Москва

Недавно я думаю, что душа — это всё! А тело — фиגня. Теперь я не боюсь. Не тряусь при виде кучки «облатных» из страха за свою брэнную оболочку, как было раньше. Раньше я терпел все их унижения — как бы не дали по морде. Больше не боюсь драться с ними и призираю одного из своих друзей, который боится их и преклоняется перед ними.

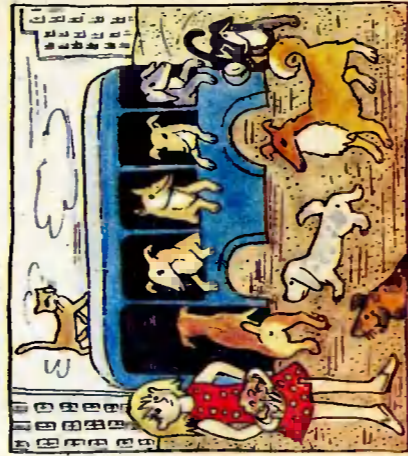
Димик,
Кимры

Мы очень любим животных, а особенно собак. Вон сколько их, бездомных, поклеванных на улицах, и никому их не жалко. Мы хотим организовать приют для бездомных животных, но у нас нет средств. Недалеко от нашего дома есть заброшенный троллейбус. Мы хотим прикормить его в порядок и сделать приют хотя бы для 15 собак. Помогите нам!

Оксана, Алена, Марина,
320063, Украина, Днепродзержинск, пер. Мажневский, 7/89

Может, это покажется смешно, но я плакала по ночам и даже не хотела жить, потому что у меня мало друзей. Но однажды со мной что-то произошло: мне стало весело, мне не было одиноко. В мое сердце вошел Иисус Христос, и с тех пор я не плачу. Я верю в Бога и желаю, чтоб и все другие тоже верили и молились, и тем, кому трудно, станет легче.

Наташа Мамонтова,
663900, Красноярский край,
пос. Канифольный, ул. Дорожная,
6-2

Мой любимый предмет — это история. У нас очень хорошая учительница по истории. Ее зовут Инна Ивановна. Она очень интересно объясняет нам материал. Я лично слушаю ее очень внимательно. Она просто удивительный человек: понимающая, умная, добрая, да все ее качества просто не перечислять.

Мои кумиры? Да не знаю, нет, наверное, таких. Хочу походить на саму себя. По профессии хочу стать юристом. Если не получится, то экономистом. А вообще не знаю, у меня очень переменчивый характер. Но обиды прощаю быстро. Иногда, если честно сказать, страдаю от одиночества...

Наташа Иванова,
617073, Пермская обл., Краснокамский р-он, с. Северожанск, ул. Энтузиастов, 5-18

Однажды я прочитала заметку, в которой рассказывалось, как к ладошкам одной девочки «прилипали» разные предметы. И я тоже решила попробовать. У меня получилось, особенно с правой рукой. Я только некоторым друзьям показывала свои способности «примагничивать» ложки, фарфоровые тарелки, расчески и другие предметы.

Таня,
188451, Ленинградская обл., Кингисеппский р-он, пос. Кингисеппский, 9-43

Рисунки О. Зайцевой

— Ах, пришли уже! — бабушка Ашотика опять взмахнула костлявыми руками. — Скоро будут пирожки, поиграйте еще немного, — она суетилась у плиты, от которой несло вкусным жаром.

— Бабушка, мальчика зовут Лесь, — сообщил Ашотик.

— Ай как хорошо! Спасибо тебе, Лесь!

Лесь не понял, за что спасибо, и за свитер потянул Ашотика назад. Бабушка окликнула:

— Лесь, дорогой, подожди, пожалуйста... А ты, Ашотик, иди, мальчик сейчас придет.

Лесь задержался — с новой непонятной тревогой.

— Лесь, ты хороший мальчик, — жарко зашептала бабушка. — Играй с Ашотиком. Только не спрашивай его про маму и папу, а то он опять начнет плакать...

Лесь надулся и быстро кивнул, догадавшись о беде, живущей в этом доме.

— Мама погибла в землетрясении, когда Ашотик маленький был. Папу убили весной, когда он ушел добровольцем на границу. В Ереване у Ашотика осталась только старшая сестра, мы забрали его сюда. Я здесь давно живу, я даже не родная его бабушка, а двоюродная, но мы его очень любим. Только он все время невеселый. Другие дети забывают горе, а он такой мальчик... ну, просто обо всем помнящий мальчик...

Лесь опять кивнул — со смущением незваного гостя, оказавшегося в доме, где большая печаль. Но бабушка, глянув на дверь, заговорила снова:

— Хорошо, что пришел. И еще приходи. Может быть, Ашотик станет веселее. Не бросай его... Ну, иди, играй...

В комнате Ашотик глянул пристально:

— О чем бабушка тебя спрашивала?

— Сколько мне лет, — нашелся Лесь. — В каком

классе учусь и где живу... А живу я вон там! Смотри!

Французская слободка отсюда, из окна, смотрелась как декорация к спектаклю «Приморская сказка» в местном Театре Юного Зрителя.

— Видишь, посреди склона два больших тополя?.. Не там, а правее, недалеко от лестницы. А рядом с левым тополем — мой дом. Ну, такой, с пристройками и выступами...

— Вижу... А скажи, пожалуйста, зачем тебе наше окно?

— Вот я и объясняю! Раньше из моего дома был виден берег и маяк. И мне... понимаешь, для меня это было очень важно. А теперь ваш дом заслоняет и бухту, и мыс...

Ашотик сказал по-взрослому:

— Это досадно. Только тут уж ничего не поделаешь.

— Подделаешь! Если ты поможешь.

Он был умница, Ашотик. Догадался с полуслова!

— Знаю! Надо открывать почаще двери и окна!

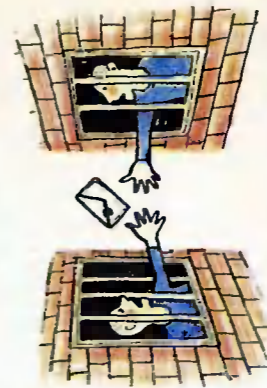
— Часто можно и не открывать! Но один раз надо обязательно! Двадцать первого сентября, когда закат. Это день осеннего равноденствия. Солнце тогда заходит точно на западе. Из моего окна это знаешь, как было видно? Будто оно прячется за горизонт и за фонарь маяка. Я каждый год на это смотрю...

— Я понимаю. Такая примета, да?

— Ну... в общем, да, примета. — Лесю нечего было скрывать от Ашотика. — Я в этот день должен попроситься с летним солнцем и загадать, чтобы новое лето пришло скорее... Но это не только примета. У солнечной энергии есть всякие свойства, про которые еще никто не знает. Я их разведываю... И поэтому мне очень важно видеть заход, когда равноденствие. Это, между прочим, как раз мой день рождения...

Я самая обычная девочка, учусь в 10 классе, хорошистка, школу терпеть не могу. Люблю собак, киви и банановое мороженое. Собираю анекдоты — предпочитаю детские, без политики и пошлости. Учусь в музыкалке, но, правда, без особого восторга. Еще — недавно попала под машину. Повезло — отделалась сотрясением мозга. После столкновения с бедным автомобилем мне теперь нельзя смотреть радио и родителей, подолгу слушать радио и читать 24 часа в сутки (что я люблю делать больше всего). У меня было мало хороших друзей и подруг, да и те разучились писать. Даже если бы мне пришлось написать письмо, ответила бы всем-всем, а переписываться стала бы с теми, кому от 5 до 19 лет.

Наташа,
121614, Москва, Осенний бульвар, 12-3-457

Хочу переписываться с теми, у кого брат или сестра сидели в тюрьме и кому их жалко. Вы не думаете, что, может быть, они попали туда по ошибке или просто если ни за что? Пишите все, кто заинтересован в судьбе этих несчастных людей, наших с вами братьев и сестер.

Таня Мелешко,
636300, с. Кривошеино,
ул. Комсомольская, 48

Мне нужен адрес Тони Алленджена, я хочу познакомиться с ним. Кто мог бы помочь мне?

Денис Ядловский,
220131, Беларусь, Минск,
ул. Широкая, 38-1-5

Из всего зверья, перебивавшего у Олены Даниловны за ее долгую жизнь, больше всего она любила Василия Ивановича.

Про него она могла рассказывать часами — живо, с подробностями, и послушать ее, так на свете, честное слово, и среди людей-то не много таких умниц, как этот кот.

— А как же, — говорила Олена Даниловна, — бельчат по ночам кто у нас стерег? Разве кошачье это дело? Я начну кому рассказывать — врешь, бабка. А за грибами — слышано, чтобы кот ходил? А Василий Иванович ходил. Да, да, да! Мы с Владимиром в лес — и он за нами. В сторонку отбежит: мяу-мяу. Иду, иду, Васенька. И так и знай: белый. Других грибов — козлят ли, моховиков — не признавал.

Федор Александрович АБРАМОВ (1920—1983), известный своими произведениями о жизни русской деревни, не раз печатался на страницах «Костра». В год 75-летия со дня рождения писателя мы публикуем один из его рассказов. (Рассказ печатается в сокращении.)

А пьяниц взять. Отец у нас — Олена Даниловна так называла своего зятя — с мокрым рылом родился. Иной раз домой придет — зашумит, а уж Василий Иванович ему лапой: не смей! А ежели еще пьянчуг-друзей приведет — беда! Готов глаза выцарапать...

— Бабушка, а расскажи, как Василий Иванович клубничку воровал, — подсказал Вовка.

Олена Даниловна затряслась от смеха.

— Было, было такое дело. Прострафился у меня Василий Иванович...

Так начался один из многих рассказов про мудрого кота.

— С Амиком они этот номер выкинули. Собачка тутотшная, песик — вон тех соседей.

Мы тогда приехали на дачу с Васенькой вдвоем — Владимира еще на свете не было. Ну, мне дела не занимать: кирку в руки и хоть весь день маши. А Василий Иванович, вижу, как не в себе, вроде как в растерянность впал. Ходит за мной да все мяу-мяу: где мы? Куда приехали? Городской, не приспособлен к природе.

Ну, я ему мозги вправляю: что же ты, говорю, Василий Иванович, все за мной да за мной? Куда это годится? У каждого в жизни свои интересы должны быть. — Тут Олена Даниловна бросила на внука один из своих воспитательских взглядов. — Самостоятель-

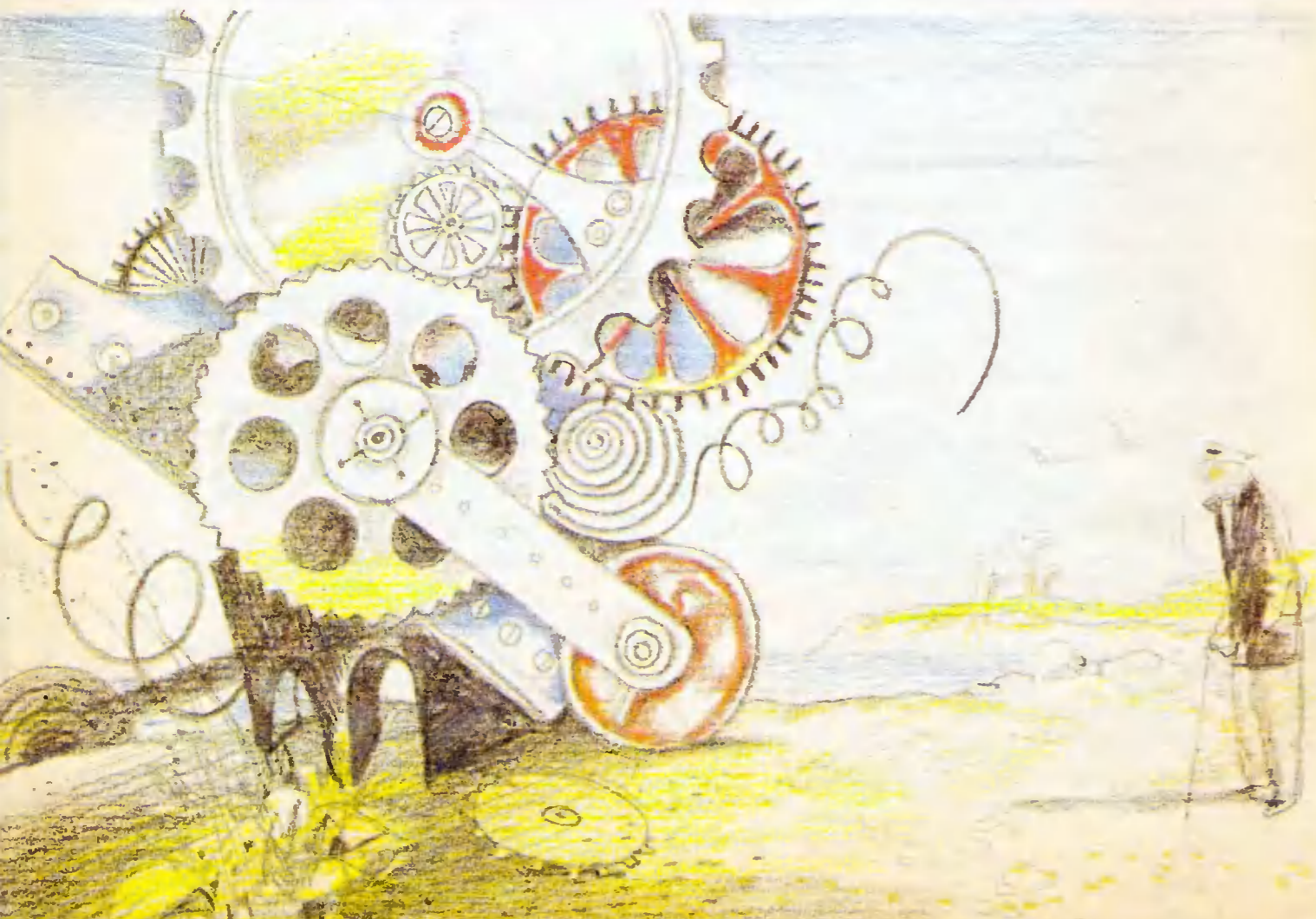
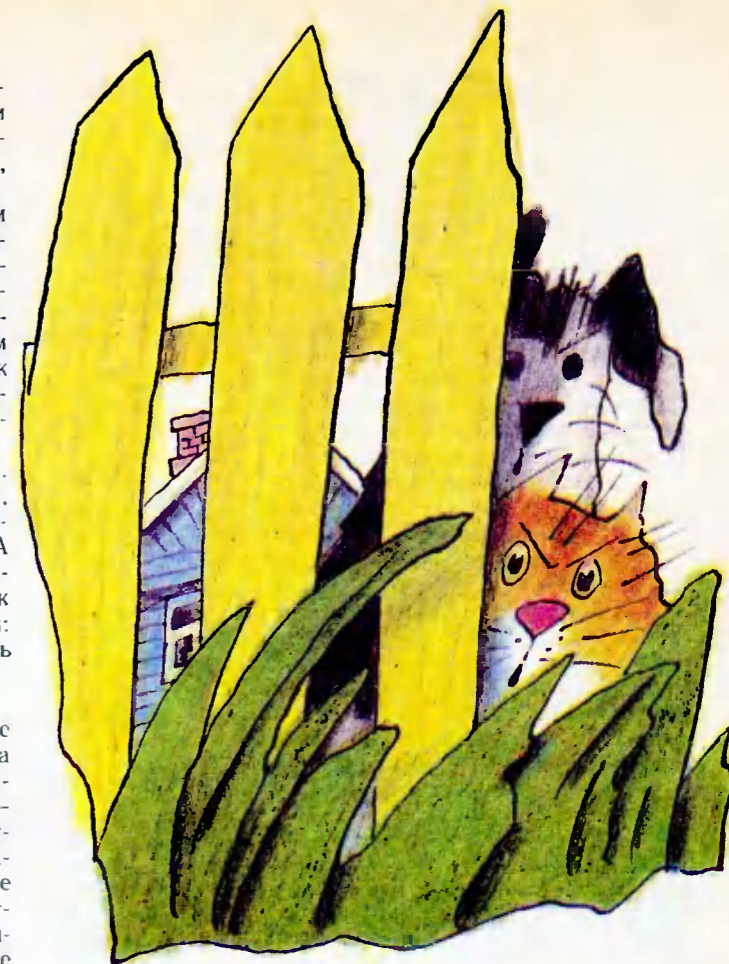
ность, говорю, должна быть, — еще определеннее выразилась она. — А что же это получится, если все будем ходить друг за дружкой? Ты бы, говорю, хоть друзей-товарищей завел себе. Оглянись, говорю, хорошенько, есть тут кошачий народ.

Нет, со своим братом компанию не свел, а с Амиком снюхался. Тут, на углу, у них свиданья-то происходили, — Олена Даниловна указала на травянистую полявину за калиткой, густо расшитую белоголовыми ромашками. — Правда, Амик и к нам на дачу заходил, а Василий Иванович — нет. Гордость не позволяла: к гостям не хожу. Хочешь — ты приходи ко мне, а не хошь — как хошь. Беда, важный был. Покамест Васильем Ивановичем да Васенькой не назовешь, и не откликнется. Ей-богу.

Ну, Амик, тот попроще был, голову высоко не нес. Все, смотришь, прибежит. Наш его встретит у калитки, обнюхает, а то и по травке покатает — тот песик вежливый, лапки кверху и ничего: катая себе на здоровье. А потом и до проказ дело дошло, из-под контроля вышли. — Олена Даниловна кивнула на каменный особняк за крепким высоким забором слева от своей дачи: — Вот у них, у тех куркулей, стали плантации проверять да клубничку выбирать.

— Кот и собака — клубничку?

— Ну. Форменными ворами стали. Потому что не тенерь сказано: чужая ягода слаще, — Олена Даниловна сказала это и сразу же спохватилась, видимо вспомнив про свои воспитательские обязанности. — Да, да, — сурово поджала она губы, — бесконтрольность почувствовали. Решили, что все им можно. Я раз гляжу, где Василий Иванович, другой гляжу. Так все на глазах, все с Амиком со своим, а тут никоторого нет. Потом смотрю — чего трава у забора шевелится, а то они выкатывают. С налета. Амик бесхитростный, ничего в себе не

— И вывелся гномик?

— Нет, — вздохнул Лесь. — Вылупился желтый кузнечик. Я же говорил...

— Но это же все равно замечательно!

— Да, неплохо... Тем более, что он очень понятливый... Сперва я хотел сразу отнести его в траву, чтобы жил вольной жизнью, но жаль было расставаться. И мы привыкли друг к другу. Теперь он живет у меня как домашний сверчок.

— С кормежкой, наверно, хлопоты...

— Никаких! Он же от света заряжается. Распустит крылышки, посидит на солнышке или под лампой — и сытый.

— Как замечательно, — опять сказал Ашотик. Верил он безоговорочно. — И это хорошо, что ты не отпустил его. Он ведь желтый, заметный в траве, птицы могли склевать.

— Пусть бы сунулись! У него электрическая защита! Дядя Шкип, кот наш, однажды подкрался, чтобы принюхаться, и такую искру в нос получил! Теперь он Кузю за пять шагов обходит.

Ашотик засмеялся громко, заливисто. Даже ногами взбрыкнул.

— Кузя — это его так зовут?

— Да. А потом вывелся Витька. Его я сразу в траву отпустил. Он теперь верховодит среди зеленых кузнечиков...

— А зимой Витька не замерзнет?

— Он же с электричеством!

— Лесь, можно посмотреть на кузнечиков? — сказал Ашотик тихо, уже без смеха.

— Витьку днем не сыщешь, он лишь утром на месте, когда я в школу иду. А с Кузей повидаться — это хоть сейчас.

— Бабушка! — Ашотик подскочил к двери. — Мы идем к Лесю смотреть желтого кузнечика!

— Ай, что такое! Какого кузнечика? Хорошо, пусть кузнечик, но сначала пирожки! Ашотик, мальчика надо угостить...

Лесь было заотнекивался, но тут же понял: проще сжевать пару пирожков, чем спорить с бабушкой Ашотика.

Впрочем, пирожки были — объеденье.

Ашотик нетерпеливо переступал у кухонного порога. Бабушка и радовалась, что он повеселел, и тревожилась:

— Лесь, а это далеко? Это надолго?

— Недалеко и ненадолго, — снисходительно разъяснил Лесь. — И вы не бойтесь, я провожу Ашотика обратно, — а потом добавил шепотом, ей одной: — Это ему полезно. Кузнечик-то солнечный, от него всегда у людей радость прибавляется.

Константин Васильевич Носов, дедушка Лесь, умер, когда внуку было пять лет. Лесь хорошо помнил деда. И многие помнили. Константин Васильевич работал в какой-то конторе на канцелярской должности, но главное дело у него было не это. Дед изучал историю города и всего здешнего края. Написал об этом несколько книжек и собрал множество всяких исторических экспонатов. Его знали во всех музеях.

Кроме того, дед был мастер на все руки. Давным-давно, еще когда мама Лесья была девчонкой, дед на приморской свалке отыскал большущий часовой механизм. И сразу понял — он от тех часов, что до войны были на левой башне Корабельной библиотеки. Во время войны здание разрушилось, и его потом восстановили не

держит: гав-гав, там, за забором, были. А мой-то даже не глядит на меня. Старый гусь, хитрющий — только головой водит да усами подергивает.

Ох, думаю, плутяга, погоди у меня, дознаюсь, что там делаешь, выведу тебя на чистую воду. А сама ничего уж не сказала: ни ласки, ни встряски. Как так и надо.

Ладно. На другой день я начеку. Затаилась за кустом, поджидаю ихнюю встречу. А они встретились, обнюхали друг друга да недолго думая — к забору. Впереди Василий Иванович, сзади Амик. Привычное дело! Не первый раз занимаются — в траве у них уж тропка своя протоптана.

Вот к забору-то они подошли, и я за ними. Батюшки! Василий-то Иванович у меня на грядке клубничку кушает, а Амик где? А Амик в дозоре — на дорожке сидит да на дом посматривает.

— Ну уж и посматривает!

— Вот-те бог! — со всей серьезностью побожилась Олена Даниловна. — Чистая правда!

— Бабушка, бабушка, дальше! — закричал возбужденно Вовка.

Вовка был уверен, что все дальнейшее сразит меня окончательно. И оно действительно сразило. Ну, а если и не сразило, то во всяком случае показалось совершенно неправдоподобным. Ибо дальше было вот что: Василий Иванович, скушав две-три ягодки — так именно выразилась Олена Даниловна, уступил место Амiku, а сам встал в дозор.

— Вот какой у нас ученый кот! — живо прокомментировал Вовка. — Как в «Руслане и Людмиле». Правда?

— Да, да, такой вот проказник, — рассмеялась Олена Даниловна. — Ведь это надо же додуматься — Амика в дозор, а сам ягодкой сладкой лакомиться! Ну уж я пожурила, посоветила тогда Василия Ивановича. Получил он у меня по заслугам. Это что же, говорю, батюш-

ка мой, получается? Я к тебе со всем моим доверием, а ты себя на хулиганство заводил да еще и Амика с толку сбиваешь. Каково, говорю, мне из-за тебя худого слова не сказали. Где ни работала, что ни делала, всегда хвалили да на почетную доску вешали. Даже в блокаду, говорю, твоя хозяйка рабочей чести не уронила, ни одного дня в простое не была. Так вот на этом и кончилась у них дружба с Амиком.

— Почему?

— А из-за гордости. Не понравилось, что я его при Амике побранила да посовестила. Вот он и заломил хвост. Амик сколько раз подходил к калитке, гав-гав, а наш — нет, не вышел. А тут вскорости и Амика увезли — из Киева хозяева, там сын соседа проживает. Тем часом и кончилась у них дружба...

Ф. АБРАМОВ

Рисунки Г. Ясинского

полностью, без башен. А механизм, в котором главная шестеренка была размером с таз для варенья, каким-то образом оказался среди хлама на берегу Угольной бухты.

Дед всю эту механику раскопал, по частям вывез к себе в сарай и восстановил. И не раз обращался ко всякому начальству: давайте построим опять башню у библиотеки (хотя бы одну) и установим там часы. Тем более, что в довоенные годы часы были знамениты, назывались «Морские круглосуточные». Их циферблат был разделен не на двенадцать частей, а на двадцать четыре, и часовая стрелка обходила круг один раз в сутки.

Начальство говорило: «Да-да, конечно, замечательная идея, но предпочитало строить не башню, а дачи на берегу Садовой бухты. Механизм же — без циферблата и стрелок — грустно тикал в сарае. И остановился после смерти дедушки».

И стоял, пока не появился в доме дядя Сима.

Дядя Сима тоже был мастер на все руки. Он опять отладил часовой двигатель. И не просто ради интереса, а для дела. Для инкубатора, который Лесь построил из пружинного отражателя и всяких других деталей.

Перед отражателем Лесь на проволочных дугах укрепил оптический прибор своей конструкции. Называется «лучепропускатель». Он был смонтирован из нескольких линз, прозрачного кубика и черного мячика с двумя дырками. Через стекла, кубик и отверстие в мячике луч — горячий и яркий — падал на «родильную камеру», сделанную из жестяной коробки. Чтобы отражатель был всегда повернут к солнцу и собирал его лучи, часовая машина главной своей осью вращала его над крышей сарая. Безошибочно вращала. Только приходилось каждый день слегка менять угол наклона: известно ведь, что в один и тот же час, но в разные дни солнце

стоит над горизонтом не на одинаковой высоте.

...Всю эту систему Лесь показал Ашотику (под жалобные уговоры Це-це, чтобы мальчики были осторожнее и не упали с крыши). Даже приоткрыл «родильную камеру», где лежал пластмассовый шарик.

— Лесь, когда из него вылупится кузнечик?

— Через неделю.

— А живого Кузю ты мне покажешь?

Кузю жил в старой сандали, прибитой к стене над кроватью. Он выскочил навстречу ребятам. Приземлился на столе.

— Кузю, поздоровайся с Ашотиком.

Кузю прыгнул и застрекотал.

Это был крупный кузнечик лимонного цвета. Солнечная искра горела на его головке. В черных глазках — тоже солнечные искры. А еще — на суставах длинных задних ножек, которые торчали над туловищем острыми углами. Большущие, длиннее самого Кузи, усы уходили назад плавными изгибами — как оленье рога, только без отростков.

— Кузю, сделай для Ашотика сальто-мортале.

Кузю подскочил опять, кувыркнулся в воздухе.

— Какой умный, — прошептал Ашотик.

— Кузю, Ашотик тебя похвалил. Скажи спасибо.

Кузю стрекотнул, оставив одну лапку.

— Совершенно все понимает! — восхитился Ашотик.

— Он еще и не такое может!.. Сейчас... — Лесь раскидал по столу картонные квадратики с буквами и цифрами. — Эй, кузнец-молодец, мы забыли, как тебя зовут.

Кузю застрекотал обидчиво: как это могли забыть? Прыгнул на букву «К», потом на «У», «З» и «Я».

— А что ты будешь делать, если к тебе сунется дядя Шкип?

В Санкт-Петербургском Дворце Творчества Юных работает литературный клуб. Все его участники учатся в разных школах, но объединяет их одно — любовь к поэзии.

Олег Родионов, 15 лет

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Звезды опускаются,
В воздухе шурша —
Осень укрывается
Снегом, как душа...

Наталья Кравченко, 14 лет

ЗИМНИЙ ЛЕТНИЙ САД

Уронили небеса
Белый пух,
Неземные голоса
Будят слух.
Серебрится и блестит
Снегопад,
И под шапкой снега спит
Летний сад...

Вита Лесина, 14 лет

Зима дала возможность людям
Слова такие свить, как нить:
Коль мы кататься с горки любим,
То любим саночки возить!

Рисунки Е. Алексеевой

Надя Рождественская, 12 лет

СНЕЖИНКИ

Пронизаны солнцем, слетают снежинки
На берег осенней крутой,
И полнятся щедро овраги, ложбинки
Шуршащей и мягкой крупой.
Деревья стоят в одеянии белом,
Укутаны травы и мхи,
Поля покрываются солнечным мелом,
Чтоб я написала стихи!

Георгий Елсуков, 14 лет

СОЖАЛЕНИЕ

Зря приземлилась ты, снежинок
стая!
Земля была сырой — пора дождей,
И потому-то первый снег растаял
И не соткал ковер для снегирей...

И фантастика и реальность
КОСТЕР

ИЗ КРЕМЛЯ БЕЗ ПРОПУСКА

Москва. Кремль. 1939 г. Беседуют двое:

— Сможете ли вы выйти отсюда, если я не подпишу вам пропуск?

— Без этой-то бумажки? Возьмите ее на память!..

— Нет, подождите. Вас не смутит, если я еще дополнительно предупреджу охрану?

— Сколько угодно!

Набран телефон коменданта. Отдаю команду: «Не выпускать...» Да еще секретарше поручено идти вдесяти шагах. Когда испытываемый проходил мимо охранника, тот вытянулся и отдал ему честь.

Через две минуты человек вышел на улицу и посмотрел на окно кабинета на третьем этаже, в котором только что состоялся этот разговор. Он увидел за стеклом фигуру недавнего собеседника и помахал рукой. Ему показалось, что тот наверху рассмеялся...

Через некоторое время охранника спросили, кого он выпустил? Тот отвечал, что проходил... — Он назвал имя высокопоставленного человека.

Кто был этот «высокопоставленный человек»? История умалчивает его имя. Но, по легенде, сам Сталин. А су-

мел выйти из Кремля без пропуска удивительный артист Вольф Мессинг. Асистентка Мессинга вспоминала:

— От Вольфа Григорьевича я знала, что он бывал у Сталина в Кремле.

✓ Вольф Григорьевич Мессинг родился в канун нашего века, в 1899 году, под Варшавой. В полной мере свои способности Мессинг ощутил годам к шестнадцати после многих месяцев изнурительных тренировок в связи с выступлениями в цирке.

Шел 1915 год. Юный артист растался с цирком и целиком отдался психологическим опытам, которые демонстрировал публике. Он мгновенно складывал гигантские числа, находил вещи в зале, спрятанные в его отсутствие. Одно из таких выступлений в Вене посетил великий физик Альберт Эйнштейн. Способности Мессинга произвели на ученого столь большое впечатление, что он пригласил артиста к себе домой, где был также Зигмунд Фрейд, знаменитый австрийский врач и психолог, основатель теории психоанализа. Фрейд предложил сразу приступить к опытам.

Мысленное приказание сводилось к следующему: Мессинг должен

был на туалетном столике взять пинцет и, подойдя к Эйнштейну, ...выщипнуть из его пышных усов два волоска! Взяв пинцет, Мессинг подошел к великому ученому и, извинившись, изложил задание Фрейда. Эйнштейн улыбнулся и подставил артисту щеку...

Второе мысленное приказание было проще: подать Эйнштейну его скрипку и попросить ученого поиграть на ней. Оно было выполнено точно. Эйнштейн засмеялся и взял смычок.

С Фрейдом после этого завязалось близкое знакомство. По признанию Вольфа Григорьевича, Фрейд научил его самовнушению и искусству сосредоточения, при котором только и удаются наиболее поразительные психологические опыты. Это умение в итоге спасло Мессинга от верной гибели в гестаповском застенке...

История о том, как Вольф Григорьевич попал в гестапо, восходит к 1937 году, когда в одном из театров Варшавы в присутствии тысяч людей артист предсказал гибель Гитлера, если тот пойдет войной на восток! Фюрер отреагировал мгновенно: назначил 200 тысяч марок премии тому, кто укажет местонахождение предсказателя.

Вскоре фашисты оккупировали Варшаву, и Мессинга схватили. Сидя за

Рисунки П. Бандуровича

решеткой в полицейском участке, Мессинг понял полную обреченность. Ему оставалось надеяться только на свои способности. Сосредоточившись, артист напряг все силы, волю, мысленно созывая охранников. И они пришли, все до одного, включая начальника и часового у дверей. Когда они собрались в камеру, повинувшись внушению артиста, он поднялся, вышел в коридор и задвинул за собой засов окованной железом двери.

Затем скрытно артист достиг Советского Союза. Иностранец, тайно перешедший советскую границу, вполне мог сойти за шпиона. Но Мессинга не арестовали, а включили в концертную бригаду, и первые же выступления принесли ему ошеломительный успех.

Вольф Мессинг обрел здесь свою новую родину и отнесся к ней воистину по-сыновнему. Во время Великой Отечественной войны на его сбережения были построены два боевых самолета. Кроме того, 40 тысяч рублей артист отдал на Государственный заем.

Он выступал с неизменным успехом многие годы (умер Мессинг в 1975 г.), но, как и прежде, ему случалось выполнять неожиданные поручения.

Однажды, в начале пятидесятых, во время гастролей в Киеве его по указа-

нию всеильного на Украине Н. Хрущева сняли с выступления, посадили в правительственный поезд и отправили в Москву. «Пропал один человек, вон из того кабинета. При нем был портфель с очень важными документами. Сталин дал на поиски 3 дня. Можете найти пропавшего?» «Трудная задача... В молодости, представьте, находил. А сейчас — все больше спрятанные предметы. Вы, наверно, бывали на моих выступлениях.» «Да, да, бывали, потому к вам и обращаемся.» «Ладно, попробую, — сказал Мессинг. — Проводите меня в кабинет пропавшего человека.»

Вошли. На столе разбросанные бумаги. Кресло отодвинуто, видны открытые ящики стола. Впечатление такое, что человек внезапно сорвался с места и бежал...

Вольф Мессинг осмотрелся вокруг и твердо сказал: «Ничего не трогайте и оставьте меня здесь одного на полчаса». Сопровождающие вышли.

«Я начал обходить комнату, — рассказывал позднее Мессинг, — и очень пристально всматриваться во все без исключения предметы. В особенности на столе. В парапсихологии есть такое понятие — психометрия. Оно обозначает представление о том, что вещи и

предметы, с которыми соприкасается человек в быту, хранят своеобразную «память» о хозяине. Некоторые люди, обладающие парапсихологическими способностями, могут воспринимать эту «память». Удавалось это не раз и мне...»

Примерно через полчаса в сознании артиста стала возникать сначала смутная, а потом все более четкая картина: сельская местность, деревня, крутой берег реки, на берегу — деревянная церковь, через реку покосившийся мост. Под одной из опор моста лежит черный предмет. Присмотревшись повнимательнее, Мессинг опознал... портфель. Но пропавшего человека нигде не было.

Когда военные вошли, артист попросил пригласить краеведов, знатоков Подмосковья. Вскоре появились два старичка, которым Мессинг и обрисовал привидевшуюся ему картину. Старички посоветовались между собой и сказали, что деревня есть, и не одна, а две. И назвали места их расположения. Два грузовика с солдатами ринулись в эти деревеньки, и один из них привез злополучный портфель с документами.

Г. ЛИСОВ

Они опять оказались в полутьме сарая. Вдвоем крутили медную рукоятку — подзавели пружину. Ашотик сел на корточки и стал смотреть, как у пола ходят туда-сюда метровые полукольца горизонтального маятника: шелк-дзынь, шелк-дзынь...

И вдруг спина у Ашотика вздрогнула.

Лесь — будто подломился — стремительно сел рядом.

— Ашотик, ты что?

У того на вельветовое колено упала капля.

— У тебя... болит что-то?

— Нет, ничего... — Ашотик всхлипнул. — У меня бывает такое... Не сердись, пожалуйста.

— Причем тут «не сердись»? Я... просто не знаю, что делать...

— Ничего не надо делать. Сейчас пройдет... Это как-то само собой получается. Даже на уроках. Меня сразу отпускают из класса.

Лесь потерянно молчал.

Ашотик мохнатым рукавом вытер глаза. Прошептал:

— Можно, я теперь пойду домой?

— Как хочешь. Только я еще телескоп тебе не показал...

— Потом. Если разрешишь, я еще приду...

Це-це на дворе развешивала белье.

— Лесь, миленький! Ты все гуляешь, а уроки сделать ты успеешь? Вам много задали на завтра?

— О, Господи! Завтра воскресенье!

— Ну, не сердись, не сердись. Я же только спросила...

— Я провожу Ашотика.

Вышли за калитку, спустились на тротуар. Ашотик был притихший, виноватый. Чтобы как-то его встряхнуть, Лесь спросил:

— Кузя тебе понравился?

Ашотик расцвел на ходу. Сразу.

— Очень понравился!

И тогда Лесь решительно пообещал:

— Я подарю тебе такого же. Который скоро выкупится.

Нет, он не забыл про Гайку, но отпустить Ашотика без всякого утешения... Ну, никак нельзя.

Ашотик остановился. В глазах — недоверчивое счастье:

— Не может быть...

— Отчего же не может? Подарю. И ты научишь его всяким фокусам. И чтению, и математике...

— Обязательно! — Ашотик даже запританцовывал. И вдруг протянул через голову свитер. — И правда, Лесь, жара какая...

ОРКЕСТР В ГОРОДЕ, КОТОРЫЙ СНИТСЯ

Проводив Ашотика, Лесь вернулся домой и забрался на пологую крышу пристройки. Волнистые плитки оранжевой черепицы были теплыми от солнца и пахли, как печные кирпичи. На крыше стояла похожая на скворечную будочка из досок. В ней Лесь хранил кое-какое имущество.

Лесь приспособил к двухметровой рейке маленький блок, пропустил через него веревку. Прибил рейку к стене будки — получилась мачта. На нее Лесь поднял желтый с черным кругом флаг. С моря потянул ветерок, флаг шевельнулся, хлопнул.

Звякнула калитка, сипло твякнул Пират. Лесь глянул вниз. В калитке стояла Гайка с большущей книгой под мышкой. Пирата Гайка не боялась, тем более, что он уже махал хвостом. Гайка смотрела вверх на Лесья. Чутьочку виновато.

— Я... вот... нашла тот самый словарь. Где про гульку...

— Забирайся сюда, — велел Лесь. Он не удивился, что Гайка пришла. Она обрадованно полезла по приставной лестнице. Лесь потянулся навстречу, ухватил пудовый том.

— Как ты его доташнула?

— Да не так уж трудно. Трудно было ваш Шлюпочный проезд найти. Здесь все такое запутанное.

— Это с непривычки, — снисходительно сказал Лесь.

— Ага... — выдохнула Гайка.

Она теперь была не в школьном платье, а в красном-белом клетчатом сарафанчике, и Лесь подумал, что в этом наряде Гайка еще симпатичнее. Впрочем, подумал мельком. Больше самой Гайки его интересовал словарь.

— Где тут про гульку?

— Сейчас... Это будто специально про тебя, я же говорила... — торопливо улыбалась Гайка. — Вот... — она развернула книгу, где была сделана закладка. — Смотри.

Лесь прочитал:

«Гульки... С гульки нос — очень мало, ничтожное количество (от ласкового названия голубя — «гуля», «гулька»)».

— «Ничтожное количество»... — обиженно хмыкнул он.

— Но ведь не прыщ и не шишка! Это же с голубем связано, а голубь — он красивый... ой! — она засмея-

лась. Лесь тоже, потому что получилось как по заказу — хлопая крыльями сел на рейку с флагом голубь — сизый житель окрестных пустырей. Поворковав, глянул на Лесья и Гайку по-хорошему и улетел...

Они поболтали немного о том о сем, а потом Лесь показал Гайке инкубатор. После этого повел ее в дом и познакомил с Кузей. Кузя добросовестно продемонстрировал свои таланты. И наконец дружески прыгнул Гайке на плечо. Она вздрогнула.

— Не бойся, — сказал Лесь, — не кусается.

— А если током шелкнет?

— Хорошего человека не шелкнет!

— Разве он знает, кто хороший, а кто нет?

— Чувствует... Ты ведь не хочешь ему вреда?

— Нет... Только он лапками щекочет. Когда у меня будет свой, я привыкну.

Тут Лесь погрузился и озабочился. А Кузя прыгнул с Гайкиного плеча в сандалию на стене. Гайка похвалила:

— Какой уютный дом ты ему придумал.

— Я не придумывал, это он сам выбрал. А сандалята была еще раньше прибита, год назад.

— Зачем?!

— Ну... такой у меня обычай. Как лето кончается, я изношенную сандалию прибиваю над кроватью. Двадцать первого сентября. Это осеннее равноденствие и мой день рождения...

— Ой, а я тоже в сентябре родилась, только раньше, четырнадцатого!.. Лесь, кузнечик выведется к четырнадцатому?

— Нет, наверно, не успеет, — смущенно бормотнул Лесь.

— Ну, ничего. А насчет сандалии ты здорово придумал. Лето — будто прилипло к стенке!

Кто он?

Перенесите на листок бумаги приведенную здесь фигуру, разрежьте ее на 6 букв и составьте из них имя персонажа одной из сказок А. С. Пушкина. Высота букв — 5 клеток, ширина — 3 (а у одной — 4) клетки.

Напоминаем, что итоги конкурса будут подведены в конце года, и самые активные получат приз. Посылая ответы (адрес редакции указан на первой странице), не забудьте написать свое полное имя, класс, школу и домашний адрес с почтовым индексом.

Правильность своих ответов по конкурсу «Подумай — реши!» в № 1, 1995 г. сверьте с приводимыми ниже.

Итак, на обложке написано: «С Новым годом!»

Расшифровка криптограммы на стр. 30 — «Горе от ума».

СОЛДАТУШКИ — БРАВО РЕБЯТУШКИ

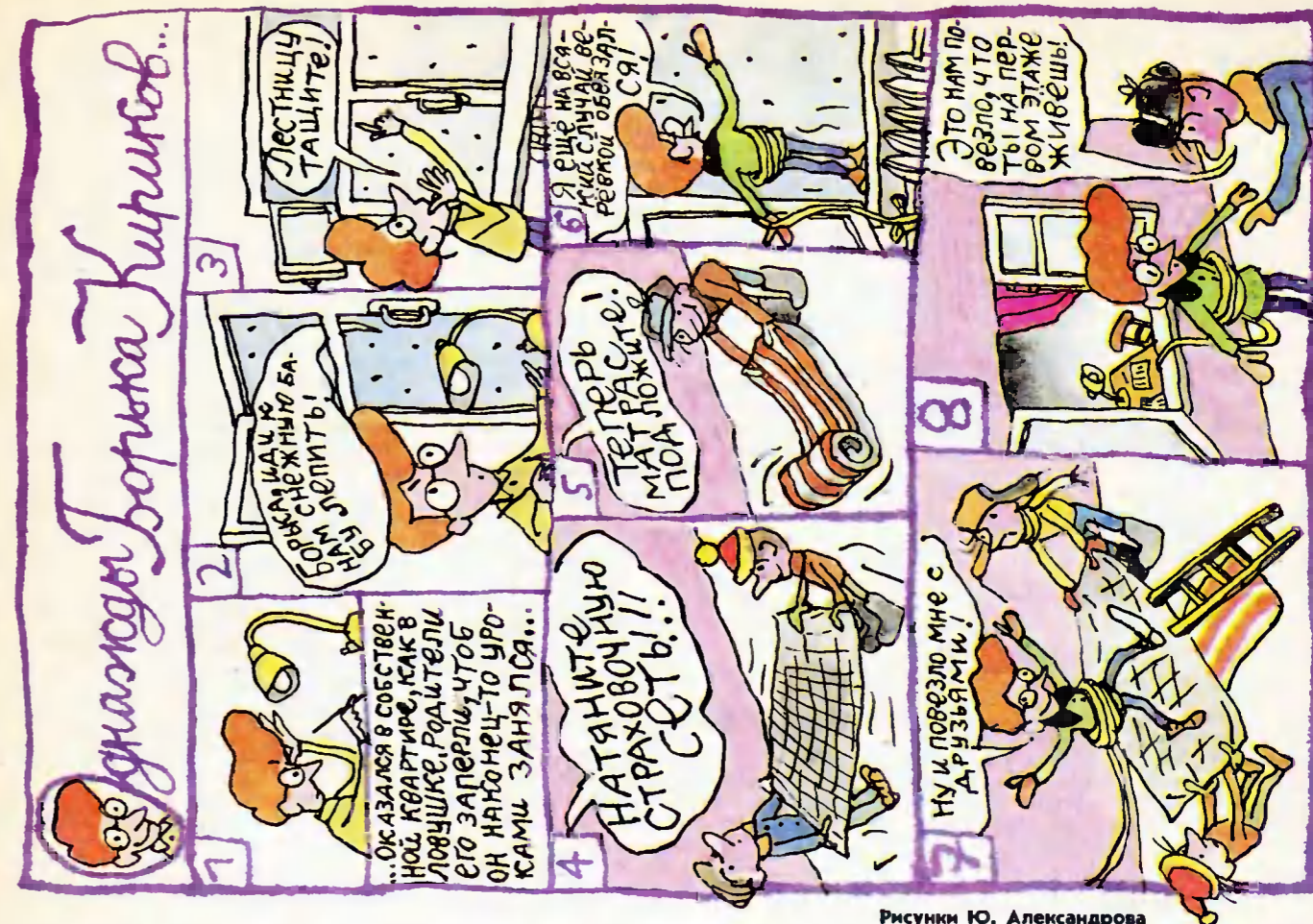
Солдат — такое грозное слово, а происхождение его забавное. Древние римляне обозвали его от «сольдо» — название латинской монеты. Такими монетами расплачивались с воинами за службу.

А в России оно звучало только при Петре I. История сохранила нам имя первого российского солдата, записанного

в потешные (то есть — для потехи) войска молодого царя, позже ставшие регулярной армией. Было это в 1683 г. Звали солдата Сергей Леонтьевич Бухвостов. Он дослужился до офицерского звания и отличился во многих баталиях.

А в 1716 г. Петром I было введено также на европейский лад первое после рядового солдата звание ефрейтора. Тогда оно присваивалось за героизм в боях или за долгую безупречную службу. И происхождение этого слова весьма любопытно. В Россию оно попало из Германии и в буквальном переводе означает «освобожденный». От чего? Чтобы это узнать, надо перебраться в средневековую Францию, откуда немцы заимствовали это слово. Если французский рыцарь терял в бою коня, то его временно приписывали к пехоте, пока он нового коня не раздобудет. На это время он был избавлен, «освобожден», и от коня и от некоторых видов пехотной муштры и различной работы в полевых условиях.

Рисунки Ю. Александрова

Лесь повеселел.

— У меня про нее даже стихи сложились:

Мне вот эта
Сандалета
Помогаёт
Помнить лето...

— Молодец какой! — восхитилась Гайка. — Ты часто стихи сочиняешь?

— Никогда в жизни! Это один раз, случайно.

— Все-равно молодец... А почему это Кузя спрятался?

— Застеснялся... Гайка, пойдем на крышу, там ветерок...

Флаг по-прежнему полоскался на ветерке.

— Лесь, ты зачем его поднял? Для красоты?

Лесь пошевелил на босой ноге пальцем с желтой ниткой.

— Нет. Не для красоты...

Гайка проговорила неуверенно:

— Получается, что ваш дом, как корабль, который все время меняет курс влево.

— Дело не в этом, — рассеянно отозвался Лесь.

— А в чем?

Лесь смотрел на крышу сарая, где сиял никелированным ободом отражатель. Гайку все больше тревожило его молчание.

— Ты... почему ничего не говоришь?

Тогда Лесь ответил насупленно и решительно:

— Я тебя обидеть боюсь, а сделать ничего нельзя.

— Что... нельзя? — по-настоящему перепугалась Гайка.

— Я тебе обещал желтого кузичика. А это не получится. До равноденствия успеет вывестись всего один, и я должен отдать его... другому человеку.

— Какому человеку? — прошептала Гайка.

— Одному мальчишке... Так получилось...

— Ну-ка расскажи, — потребовала Гайка и сама удивилась своему решительному тону.

Лесь послушался. Рассказал про Ашотика.

Гайка притихла, сидела печальная.

— Обиделась, — вздохнул Лесь. Печально, однако без мысли изменить решение.

— Ничуть, — искренне сказала Гайка. — То есть я обиделась, только не на это.

— А на что?

— Ну... на то, что ты подумал... будто я могу обидеться. А я же понимаю.

— Хорошо, что понимаешь...

— А ты... вообще глупый, — чуть слышно выговорила Гайка.

— Отчего же?

— Оттого... — Гайка заскобила черепицу краем бо-соножки. — Дело разве в кузнечике?

— А в чем? — И у Лесья затеплелись уши. Он прочитал ответ в ее ускользнувшем взгляде: «В тебе дело. Лишь бы ты не расхотел со мной дружить».

— Весной и летом я тебе выведу хоть целый табун, — неуверенно пообещал он. — Когда солнце опять наберет силу.

Это было неразумно: ведь Гайка сию минуту сказала, что дело не в кузнечике. Сообразив про такую несуразность, Лесь смутился еще больше. Но тут же — по своей привычке высказываться бесхитростно — спросил:

— Ты, наверно, боишься, что, если я решил отдать кузнечика другому, то, значит, мне на тебя наплевать, да?

Гайка снова кинула в него боязливый взгляд: «А тебе... не наплевать?»

Лесь объяснил серьезно, весомо так:

— Мы же договорились на берегу, что теперь как родственники.

Гайка повела облупленным плечом.

— Ну и что... родственники. Они ведь не друзья, они всякие бывают. Например... как твоя тетя Це-це... — и выдохнула со смесью ужаса и храбрости: — Нет уж, я так не хочу...

— Так и не будет. Она — просто тетя, а я тебе... ну, почти что родитель. Разве забыла?

— Родители у меня давно есть, — уже без стеснения, просто с грустью сообщила Гайка. — А вот друга... ну, такого, самого-самого... никогда не было. Ни среди девчонок, ни среди мальчишек.

Лесь не отвечал, глядя в дальние дали, на морской горизонт. Но Гайка теперь чувствовала, что он не отгораживается от нее. Он прислушивается — и к ней, и к себе. И совсем перестала бояться своей открытости.

— А у тебя... такой друг есть?

Лесь мотнул головой — так, что белые волосы разлетелись над ушами.

— «Самого-самого» нету... Я его только во сне видел...

— Расскажешь? — шепотом спросила Гайка. Она сидела на черепице в сторонке от Лесья, а теперь придвинулась вплотную.

Было солнечно и спокойно, морской ветерок дружелюбно обвевал Лесья, и Гайка была славная, и все вокруг было хорошо. И Лесь подумал, что отчего бы и не рассказать про это?

— Это такой сон... Я его видел много раз. Он — про город. Город этот похож на наш, только... ну, не совсем похож. В нем полно загадок, закоулков и всякого

такого... А на площадях растут среди камней большие синие цветы... А кое-где вместо улиц каналы, и туда с моря заходят теплоходы, и часто даже не поймешь, где дома, а где корабельные рубки... А народу немного, поэтому в городе всегда спокойно...

Гайка сдержанно дышала у его плеча. Лесь продолжал:

— Мне всегда снится сперва утро. Тихое, раннее. И вдруг раздается музыка. Переливчатая... Знаешь, есть такой инструмент — флейта?

Гайка кивнула.

— Она хорошо так играет, — шепотом рассказывал Лесь. — Музыка эта — старинный марш. Не парадный, а такой... ну, немного печальный. В маршах есть средняя часть, она не боевая, а... словно передышка для отдыха.

— Я знаю. Кажется, это называется «анданте модерато». Мы учили в музыкальной школе, только точно я не помню...

— Хорошее название! — обрадовался Лесь. — Неважно, что не помнишь точно, пусть будет «анданте модерато». Правильно я сказал? Ну, вот... Значит, раздается такая музыка, а потом появляется мальчик. Это он играет на флейте. Идет по лестнице, по улице. А из калиток и переулков к нему сбегаются ребята: кто с трубой, кто с контрабасом, кто с барабаном. И наконец получается целый оркестр. И марш теперь уже веселый. Утренний марш. И они шагают с ним через весь город.

— Куда? — прошептала Гайка.

— Не знаю... Просто такой обычай. Они будят город. И люди смотрят на них из окон и с тротуаров, и всем хорошо...

— Понимаю, — выдохнула Гайка. Слово видела этот город, и маленький оркестр с блестящими трубами...

Вольт СУСЛОВ

«ДЕРЗНОВЕНИЮ ПОДОБНО...»

1770 год. По дороге к Финскому заливу движется странное сооружение: огромная скала — 30 метров длиной, 8 шириной и 6,5 в высоту. Весом сто тысяч пудов! Скала помещается на решетке из толстых бревен — «сковороде». А под ней дубовые желоба, изнутри обитые медью. В них расположены специально отлитые бронзовые шары. Нижние желоба прикрыты верхними.

А в это время в Петербурге французский скульптор Фальконе продолжал работу над созданием памятника Петру I. Он задумал изобразить царя взлетевшим верхом на коне на высокую скалу.

Еще летом 1767 года отправилась экспедиция на поиски камня под пьедестал, но ничего подходящего не нашло. Тогда Контора строений дала объявление, в коем обещала выдать вознаграждение каждому, кто укажет местонахождение такого камня. На это

объявление откликнулся крестьянин Семен Вишняков. Сообщил: есть такой камень. В 12 верстах от Петербурга лежит, у селения Конная Лахта, и зовется Гром-камень, потому что в какие-то давние дни ударила в него молния и расщелину оставила.

Фальконе приехал, осмотрел «камушек» и остался весьма доволен. Замелькали лопаты землекопов. Окопали скалу со всех сторон и с помощью деревянных рычагов водрузили на «сковороду». От места, где лежал камень, до берега Финского залива просеку прорубили — почти на восемь верст. Покатили.

Это рассказывать быстро, а двигалась скала ой как медленно! За сутки шагов на 20—30.

27 марта 1770 года камень был наконец доставлен к пристани. А как дальше? По чертежу галерного мастера Григория Корчбеникова построили баржу — невысокую, низко сидящую, но широкую, длинную и очень прочную.

Новая загадка встала: как грузить камень? По всем расчетам получалось, что оставь судно на плаву — камень его непременно утопит. После обсуждения решили судно... затопить. Потом уже на него, затопленное, и скалу грузить. А после откачать воду, судно всплывет — и поехали!

Так и сделали. Всего в один день управились.

Эта рыбка вовсе не аквариумная, но зато с ней можно показать фокус.

Бумажная рыбка

Для этого вырежьте из бумаги рыбку — вот ее изображение в натуральную величину. В центре нужно сделать круглое отверстие «а», сообщающееся с хвостом узким каналом «аб». Затем налейте воду в таз и положите рыбку на воду так, чтобы нижняя сторона ее целиком была смочена водой, а верхняя — совершенно сухая. Капните осторожно большую каплю масла в отверстие «а»; масло, стремясь распространиться по поверхности воды, потечет по каналу «аб», и вслед-

ствие реакции рыбка начнет двигаться в противоположную сторону, то есть вперед.

Ответы на викторину петербургского издательства Лениздат (№ 9, 1994 г.)

1. Первый рассказ о Шерлоке Холмсе был опубликован в 1887 году в журнале «Рождественский магазин Битона», повесть «Этюд в багровых тонах». 2. Считается, что Шерлок Холмс родился 6 февраля 1854 года. 3. Бейкер-стрит, № 221-б. 4. Доктор Ватсон был ранен в Афганистане. 5. На склоне лет великий сыщик занялся пчеловодством. 6. Огюст Дюпен, герой рассказа Эдгара По «Убийство на улице Морг». 7. Главным прототипом

Шерлока Холмса был профессор Джозеф Белл. 8. Собака Баскервилей была помесью ищейки и мастифа. 9. Ни разу. 10. Первым иллюстратором рассказов о Шерлоке Холмсе был отец писателя Чарльз Конан Дойл. 11. Змея плохо слышит и практически не воспринимает высоких звуков.

Победителями викторины стали: Елена Степанова, город Усолье-Сибирское, Иркутская область; Софья Комова, Уссурийск Приморского края; Артур Лялин, г. Екатеринбург. Они получают награды — 4 тома «Весь Шерлок Холмс» Лениздата.

ДЫРЧАТАЯ ЛУНА

Лесь на четвереньках подобрался к будочке, скрылся за дощатой дверцей и скоро появился с темным и ржавым шаром в руках. Размером с очень крупное яблоко. Сел по-турецки, перекинул шар из ладони в ладонь.

— Как, по-твоему, что это?

Гайка недогадливо молчала.

— Это пушечное ядро!

Гайка не хотела спорить, но все же сказала:

— Ядро ты еле-еле поднял бы, а этот шар кидаешь. Видно же, что он пустой.

— Потому что это не настоящее ядро, а де-ко-ратив-ное... Знаешь, у Штаба флота старинные пушки стоят? А перед ними ядра горками сложены. Все думают, что они настоящие, а они специально для украшения сделанные... Памятники ведь всегда пустые делают, чтобы зря металл не тратить, а эти ядра тоже вроде памятника... Стенки совсем тонкие. Видишь, навывлет пробило...

Лесь катнул ядро Гайке по черепичному желобку. Она поймала. В черном нетяжелом шаре были два отверстия. Одно — с краями внутрь, другое — с рваными, торчащими наружу зубчиками.

Гайка почему-то испугалась:

— Чем это пробило?

— Пулей, конечно... Помнишь, прошлой весной была там пальба? Ну, когда вместо одного штаба сделались два и заспорили, чья охрана должна у ворот стоять...

Гайка забко повела плечами.

— Папа говорил: совсем голову потеряли от своей дурацкой политики... Там одного мичмана ранили, да?

— Да, но не сильно... Патруль схватился за автоматы, и одна пуля — в это ядро. А оно к другим только чуть-чуть было приварено, вот и отлетело в траву... Мы с ребятами на другой день приходили следы от пуль на камнях смотреть, я его тогда и нашел... Стасик Мельченко хотел его у меня на старый газовый баллончик поменять, но я не стал... Я, может быть, потом Стаске его и так отдам, а пока оно мне нужно.

— Зачем, Лесь?

— Думаешь, на память о стрельбе? Вовсе нет! Просто это ядро у меня — как модель Дырчатой Луны.

— Дырчатой Луны?

— Дырчатыми кастрюли бывают, — веско сообщил Лесь. — А Луна — Дырчатая. Пробитая метеоритами насквозь.

И замолчал, ушел в свои мысли.

Гайка с минуту тоже сидела тихо. Трогала теплое ядро. При чем тут этот шар, дыры в Луне, затмение?

— По-твоему выходит, что Луна — пустая?

Лесь встряхнулся:

— У какого-то ученого есть такая мысль. Называется — гипотеза. Он считает, что Луна — спутник искусственного происхождения, и что она пустотелая. И я тоже так считаю...

— Почему?

— Ну... потому что мне это подходит... А раз она пустая, метеориты могут пробить ее корку насквозь, верно? Возможно, некоторые маленькие кратеры на Луне совсем без дна, только астрономы не обратили на это внимания... Может так быть?

Гайка торопливо кивнула. Лесь, довольный ее согласием, подобрался ближе, взял шар, покрутил.

— Ну вот. Значит, может и так случиться, что солнечный луч проткнет Луну насквозь. В один кратер вле-

тит, в другой — вылетит, — он поднял шар к лицу, глянул на солнце через два отверстия, зажмурился от горячей вспышки. Дал глянуть Гайке. Она тоже зажмурилась и ойкнула. И засмеялась — с готовностью радоваться всему, что радует Лесь. А Лесь объяснял дальше:

— Я вот ни на столичко не сомневаюсь, что такое случается. Только увидеть это можно лишь в очень редких случаях...

— При затмении? — догадалась Гайка.

— Да! При полном затмении, когда Луна точно между Солнцем и нашими глазами. Если два кратера совместятся на одной линии, луч проскочит Луну навывлет. И мы увидим в телескопе... ну, будто искру на черном диске. Как вон там! — Лесь кивком показал на флаг. В черном круге мелькала крошечная дырка.

— Почему же ученые ничего такого не замечали?

— Может быть, и замечали, но не обратили внимания, — быстро откликнулся Лесь. Было ясно, что он немало думал об этом. — Или решили, что видят просто блик в оптической системе... Или, скорее всего, еще не было случая, чтобы два дырчатых кратера оказались на оси между Солнцем и Землей...

— А тебе, думаешь, повезет? Увидеть такое...

— Гайка, я абсолютно уверен! Смотри, сколько счастливых совпадений: и флаг появился, и банку я раздобыл...

— Но ведь надо еще, чтобы случилось затмение...

— А оно скоро! Через неделю!

— Да?! А почему ничего не слышать? Если ожидается затмение, во всех «Новостях» заранее сообщают.

— А оно не у нас ожидается. У нас его не будет видно, только чуть-чуть Луна по краешку солнца циркунет. А зато в Южной Африке оно будет полное!

Гайка смотрела с робостью, но и... с несмелой усмешкой: «Ты что же, в Африку собрался, да?»

Лесь тоже усмехнулся:

— Решила, что я ненормальный?

— Нет... но...

— Я придумал систему. Помнишь, тот стеклянный кубик?

— Который разделяет пространства?

— Думаешь, он почему их разделяет? Потому что изменяет ход световых лучей. Значит, с его помощью можно выправить оптическую ось.

— Как это? — сказала Гайка беспомощно. Ничего не поняла.

— Ну, как-как... Отрегулировать линию зрения так, что Луна окажется на ней передвинутой. И затмение будет видно не только в Африке, но и здесь. Через мой телескоп, конечно... Я еще и стекло от своих очков приспособил, которое уцелело. Очки эти тоже для выправления оптической оси были сделаны.

— И эта система получилась? Ты уже испытывал?

— Да! Я вставил ее в телескоп и рано утром смотрел на горизонт, когда солнца еще не видно. Это тому не видно, кто просто так смотрит, а в телескопе оно — пожалуйста, будто красный арбуз на блюде.

— А глаз не слепит?

— Я же со светофильтром смотрел. С коричневым...

— Лесь! По-моему, твоя система — великое изобретение. Про него надо сообщить ученым!

Он посмотрел своим странным взглядом — вроде бы и на Гайку, и в то же время куда-то в другое пространство. Сказал тихо и увесисто:

— Не вздумай. Эту вещь тут же приспособят для оптических прицелов, для стрельбы по невидимым целям. И засекут. И меня куда-нибудь... запрячут.

К 140-летию
со дня рождения

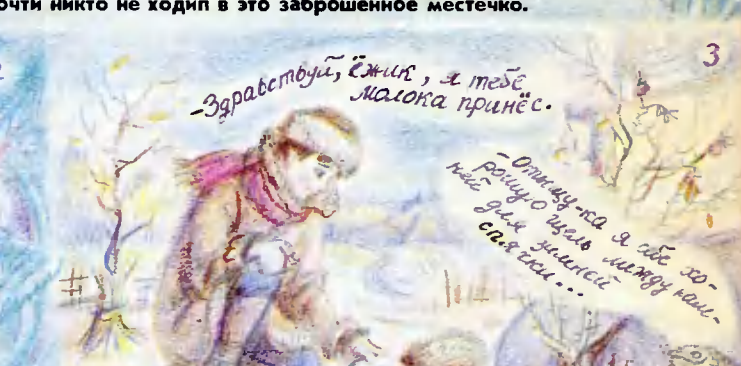
Всеволод Михайлович Гаршин Сказка о Наде и Розе

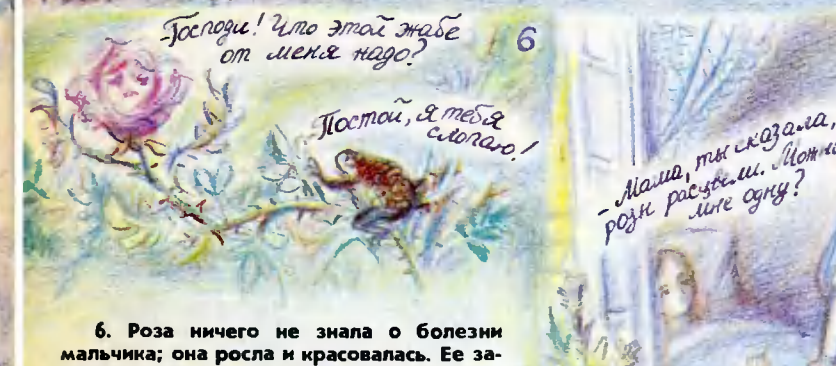
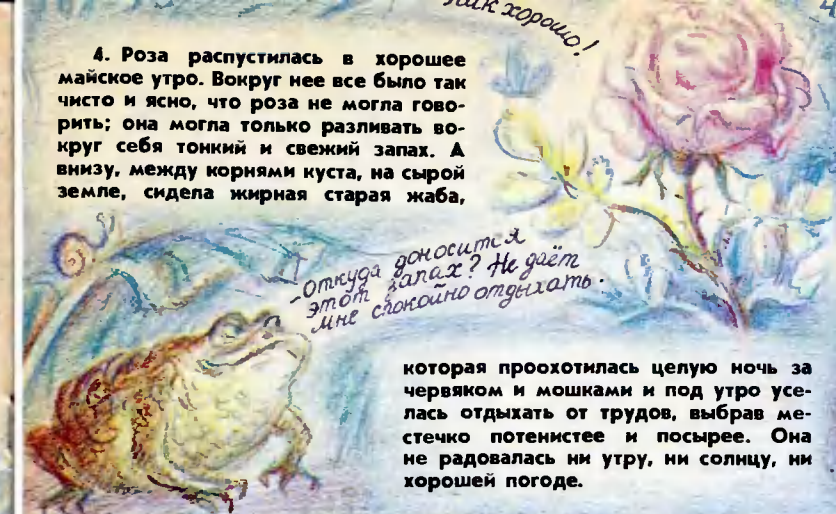
1. Жили на свете маленький мальчик, лет семи, и его сестра — взрослая девушка. Рядом с их домом был цветник — очень запущенный, но Вася его любил. Это был его цветник, потому что, кроме него, почти никто не ходил в это заброшенное местечко.

2. Мальчик каждый день сидел в цветнике под окном дома и читал. А когда ему надоело читать о Робинзонах, и диких странах, и морских разбойниках, он оставлял раскрытую книгу и забирался в чашу цветника. Он смотрел на муравьиный народ, смотрел, как навозный жук хлопотливо и усердно тащит свой шар, как паук, раскинув хитрую радужную сеть, сторожит мух... А один раз, под вечер, он увидел живого ежа!

3. В цветнике возвышался розовый куст, и сидела жаба. Приближалась осень, и жаба собиралась залезть под один из камней фундамента дома — перезимовать. Вася в последний раз зашел в цветник, чтобы покормить ежа, с которым он познакомился летом.

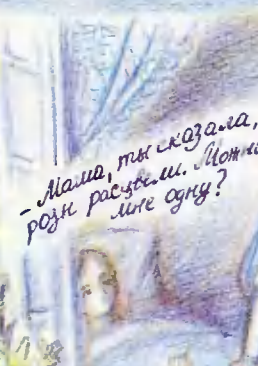
6. Роза ничего не знала о болезни мальчика; она росла и красовалась. Ее заметила жаба. Ей очень понравилась роза, она чувствовала желание быть поближе к такому душистому и прекрасному созданию. И не придумала ничего лучше, как съесть его. Роза увидела, как сверные лилкие лапы цепляются за ветки куста.

8. А жаба карабкалась все выше и выше. Темно-зеленая гладкая кора розового куста была вся усажена острыми и крепкими шипами. Жаба переколола себе о них лапы и брюхо. Но она храбро лезла все вверх. Ей оставалось только одно движение, чтобы схватить цветок...

4. Роза распустилась в хорошее майское утро. Вокруг нее все было так чисто и ясно, что роза не могла говорить; она могла только разливать вокруг себя тонкий и свежий запах. А внизу, между корнями куста, на сырой земле, сидела жирная старая жаба, которая проохотилась целую ночь за червяком и мошками и под утро устала отдыхать от трудов, выбрав местечко потенистее и посуше. Она не радовалась ни утру, ни солнцу, ни хорошей погоде.

5. В эту весну мальчик не мог выйти в свой любимый уголок. Он болел, и сестра сидела у его постели и читала вслух книгу.

7. Маленький хозяин уже давно неподвижно лежал на постели. Сестра не спала несколько ночей, не отходя от больного брата. Она подошла к окну и посмотрела на куст. Там росла одна, но очень пышная роза. Девушка взяла ножницы и вышла в сад.

— Ой, правда... — с полминуты Гайка сидела при- тихшая, потом пообещала: — Я никому ни словечка...
Лесь, будто извиняясь за недавнюю суровость, про- говорил доверительно:
— За себя-то я не очень боюсь. Но видишь ведь, па свете столько всего... Люди с ума посходили: чуть что — за оружие хватаются... А если к ним еще и такие прице- лы попадут!
— Тогда и вертолеты не нужны, чтобы ракетами по кораблю. — грустно согласилась Гайка. — Можно хоть откуда...
— И неважно, кто там на корабле, — сумрачно усмехнулся Лесь. — Гайка... Вот эти, которые на верто- лете были... Они же видели, что корабль не воюет, что на нем мирные люди спасаются! Их-то зачем убивать? Ведь от них же никому никакого вреда!
— Папа говорит — озверение...
Лесь лег спиной на черепицу, зажмурился.
— Я про это с дядей Симой разговаривал. И мы при- шли к выводу, что земной житель сам по себе не может докатиться до такого... ну, чтобы убивать без разбора, жечь, зверствовать. Это не человеческая природа... Ка- кой-то чужой разум, из другой галактики, влияет на че- ловеческие мозги. Чтобы люди перебили друг друга. А потом пришельцы захватят планету...
— Лесь... даже мурашки по спине...
— Вот видишь, мурашки. Это какое-то невидимое излучение действует. Они поставили антенны и давят на нас...
— Где же эти антенны? — жалобно спросила Гайка.
Лесь быстро сел.
— Да везде! Мы же не разбираемся, где что! Вот, например, снесли старый дом, где была детская флотил- лия, и поставили пятиэтажку, а на крыше — белый шар.

Это чехол такой для антенны. Как на кораблях, которые за космосом следят. Видела?
Гайка кивнула. Лесь опять смотрел вдаль.
— Говорят, новая метеостанция. А никто не знает толком, зачем она и откуда. У входа дядька с пистоле- том... Они, наверно, засели в этой станции и шлют свои лучи на город. Может, из-за того и стрельба у шта- ба случилась...
Гайке было неуютно. Она помнила новый пятиэтаж- ный дом — облицованный голубой плиткой, с большим белым шаром на крыше. И здание, и шар всегда каза- лись ей такими красивыми. А теперь...
— Но может быть, это все-таки правда метеостан- ция? А?
— Может быть... Но где-то все равно есть и чужие антенны. Инопланетные. Я в этом абсолютно уве- рен.
— И... что делать?
Лесь пожал плечами.
Гайке не хотелось больше говорить о страшном. Луч- ше уж о Дырчатой Луне.
— Лесь, а зачем тебе этот луч? Который через Луну? Чтобы доказать, что Луна пустая, да?
Лесь дотянулся до пальца с желтой ниткой, потро- гал. Оглянулся на Гайку через плечо.
— Вот это и есть самая главная тайна. Я хочу пой- мать луч в свой энергонакопитель. Слушай... Садись ближе...
Они не сели, а улеглись на черепице рядышком — как тогда, на камне. Гайка с благодарностью и с непо- нятным замиранием выслушала догадку Лесь о луче, прошедшем через Тьму.

— Понимаешь, Гайка, это как с человеком. Если у него случались всякие несчастья, а он выдержал, у него появляется... ну, такая особая сила, что ли. Закалка. Если, конечно, это хороший человек и если он не заблу- дился во Тьме... Я об этом первый раз подумал, когда про жизнь нашего дяди Сими узнал. Он столько всего перенес... А луч — он тоже... он ведь живой, потому что в нем энергия... Ты меня слушаешь?
— Слушаю, конечно... Я про папу подумала.
— Ну, значит, ты понимаешь... Луч, если даже через маленькое темное пространство проходит, делается сильнее. И добрее... Вот, например, в моем инкубаторе. Простые лучи ничего не могут, а тот, который пробива- ется сквозь мячик — выводит кузнечика. Живая энергия в нем... Гайка, а если не через мячик, а через громад- ный шар... Через пустую Луну, у которой внутри тем- нота! Луч наберет такую космическую силу!
— И ты ее — в свой накопитель?..
— Да! — Лесь опять сел.
— Который... из «лейденской» банки?
— Да.
— Ты... думаешь, получится?
— Я уверен.
— Лесь... А зачем тебе эта энергия?
— Как зачем? Для всего для хорошего. Это же по- ложительная энергия... Направишь ее на злого челове- ка — он станет добрым... Или, скажем, где-то землетря- сение. Наведем излучатель на тот район — и там все восстановится...
— Ох, Лесь, на это, наверно, никаких лучей не хва- тит...
— Но на какие-то хорошие дела все равно хватит! И на защиту от плохого...
— Ты думаешь, получится? — опять засомневалась

Гайка. Конечно, Лесь был замечательный изобретатель, но все-таки... энергонакопитель из пивной банки... Лесь тут же угадал ее мысли.
— Дело не в банке. Она просто приемник. А глав- ный накопитель — Дырчатая Луна.
— Лесь... Когда банка зарядится, ты, наверно, пу- стишь луч в Вязникова? Чтобы он исправился...
Лесь подтянул ноги, уперся подбородком в колени.
— Нет... Не буду.
— Боишься, что не поможет?
— Не в этом дело. Вот если бы он сам, без этого... Гайка набралась смелости, зажмурилась и выпали- ла:
— А все же хорошо, что он есть на свете!.. Лесь дернулся:
— Вязников? Почему хорошо?
— Ну... если бы его не было, вы бы не подрались. И тебя бы не прогнали с уроков. И мы... тогда бы не встретились...
Лесь, кажется, всерьез обдумал это рассуждение.
— Кто его знает... Может быть, и встретились бы. При других обстоятельствах.
— Лесь... А ты еще возьмешь меня в свою бухту? — И Гайка обмерла в душе.
Он сказал без удивления:
— Ну, конечно. Это теперь моя и твоя бухта.
— Лесь... Это ты по правде?
Он посмотрел на Гайку, понял, видимо, ее сомнения и терзания и пообещал хорошо так, будто сестренке:
— Я тебе там еще кое-что покажу. Не только бухту...
— Ой... что?
— Из бухты есть выход на... нездешний берег.
— На... какой? — Гайка опять замерла. От ласко- вости Лесь и от новой тайны.

9. Сестра вложила цветок мальчику в руку и помогла подвинуть его к лицу. Он вдыхал в себя нежный запах и счастливо улыбался. Потом его личико сделалось серьезным и неподвижным, и он замолчал... Молодая девушка поднесла к губам розу и поцеловала. Маленькая слезинка упала с ее щеки на цветок, и это было самым лучшим происшествием в жизни розы.

рис. А. Рабботенский

КИНО ВИДЕО

ОДИН ИЗ ТРЕХ ГАРДЕМАРИНОВ

Впервые о Сергее Жигунове заговорили в связи с фантастико-приключенческой картиной «Подземелье ведьм». Он многим запомнился тогда своей рельефной мускулатурой, отчаянной удачей героя и умением оставаться естественным и человечным в самых нечеловеческих условиях. А затем пришла поистине всенародная слава, когда он вместе с Дмитрием Хара-

Рисунки А. Репин

тьяном и Владимиром Шевельковым проснулся знаменитым на следующий день после показа по Центральному телевидению фильма «Виват, гардемарин!» Этот фильм стал его блестящим стартом как актера и «звезды». Недаром во всех опросах и рейтингах о популярных актерах Сергей Жигунов занимал неизменно второе место. Первым был Дмитрий Харатьян, что никак не сказало на их дружбе. Даже в армии они служили вместе. Вдвоем участвовали и в конкурсе солдатской песни со своим бодрым песенным хитом: «Не вешать нос, гардемарин!»

Вообще-то он не собирался становиться актером, хотя его мама была актрисой. Но однажды в его родной Ростов приехал с гастролями Московский театр имени Ленинского комсомола, и Сергей увидел в спектаклях знаменитой труппы Николая Караченцова. Это, по его словам, решило судьбу. Археология — мечта детства, была забыта. Успешный дебют в кинематографе еще в студенческие годы принес ему желанный пропуск в создание популярных имен мира кино. Светлана Дружинина, режиссер «Гардемаринов», сделала верный выбор актерского трио. Правда, чуть позже их отношения осложнились. Во второй суперсерии приключенческого телебоевика отказался сниматься Владимир Шевельков, а в тре-

тьей — не появился на экране и Сергей Жигунов. Однако, во второй картине дуэт Харатьян — Жигунов работал с прежней самоотдачей.

Ребята сами делали практически все опасные трюки, фехтовали, стреляли, прыгали, дрались. Хотя, когда риск был слишком велик, Жигунов предпочитал не перебежать дорогу профессиональным каскадерам.

Повзрослевший актер оказался кстати и в таком скандальном фильме как «Секс-казка», поставленном по мотивам рассказа Владимира Набокова. Но больше сниматься в подобных картинах Сергей Жигунов не же-

лает. Во-первых, это — не его профиль, а, во-вторых, возражает жена Сергея. Он обожает супругу, в их семье — две дочки. Однажды, когда Сергей находился в «простое», то есть не имел приглашений сниматься, он решил создать собственную фирму, которая бы занималась организацией съемок и проката фильмов. Название он придумал вместе с друзьями — «Шанс».

Первым совместным проектом стала экранизация авантюрного романа Джека Лондона «Сердца трех». Картина имела успех в прокате, принесла прибыль, что позволило Сергею Жигунову запустить в производство вторую серию. Вскоре на экранах появятся «Сердца трех — 2» с уже полюбившимися актерами и, конечно, самим Сергеем Жигуновым. Он продолжает сниматься и в картинах других режиссеров, отдавая предпочтение тем лентам, в которых действуют сильные и смелые герои. Наверное, поэтому с таким удовольствием он сыграл одну из главных ролей в исторической картине «Ричард Львиное Сердце». Словом, гардемарин не растерялся посреди нашей бурной и суматошной жизни, взявшись за новое дело и зарабатывая деньги для того, чтобы поддержать те проекты, которые могут принести удовольствие зрителям. А их мнением и любовью Сергей Жигунов, как настоящий романтический киногерой, очень дорожит.

Сергей ИЛЬЧЕНКО

— Я это место называю Безлюдные Пространства. Там развалины старинных городов. Как в Заповеднике, только больше и гораздо интереснее. Остатки крепостей и храмов. И обсерваторий... И просто заросшие места — трава и камни... Идешь, идешь, а кругом только солнце и кузнечики...

— И время стоит, да? Как в бухте? — прошептала Гайка.

— Да...

Они еще с полчаса посидели на крыше, поговорили о скором затмении и об устройстве энергоаккумулятора. Потом Лесь пошел провожать Гайку.

Цецилия Цезаревна окликнула его:

— Лесичек, тебе не тяжело? Такая громадная книга!

— Значит, что же, Гайке снова надрываться, да? — огрызнулся Лесь.

Тогда Це-це умилилась:

— Какой ты молодец! Просто рыцарь!

Лесь поудобнее ухватил могучую книгу левой рукой.

— Давай вместе понесем! — забеспокоилась Гайка.

— Не... — Лесь вытянул правую руку. — Гайка, смотри, вон дом Ашотика. А его окно — пятое с левого края и четвертое снизу. Вон, зеленым занавешено. Видишь?

— Подожди... Ага, вижу!.. Лесь, а почему ты свою выпрямительную систему не приспособишь, чтобы маяк на мысу мимо этого дома видеть?

— Не получается, — сопя от тяжести, объяснил Лесь. — До маяка слишком близко. Системе нужны космические расстояния.

БАМБУКОВАЯ ФЛЕЙТА

Под утро Лесю приснилось, что он встал, а на коленках — уши. В точности такие же, как на голове, под волосами.

— Ма-ма-а!.. Что теперь делать-то?

— Ну, что делать? Раз выросли, значит, так полагаются. Мыть не забывай...

— При чем тут «мыть»?.. Дай мне школьные штаны, зимние, а то как же я...

— Где я их найду так скоро? Надо весь шкаф перетряхивать, а я на работу опаздываю. Не беда, сходишь в школу так. Сам виноват, чересчур много возился с кузнечиками...

И Лесь пошел в школу. Ранец держал в руках, прикрывал им коленки. И больше всего боялся увидеть Вязникова.

И, конечно, увидел его: еще далеко от школы, в балке, под аркой старого водопровода.

Но у Вязникова не было ехидной улыбки. Он смотрел хмуро и виновато. И прикрывал ноги портфелем.

— Что? Тоже? — сразу догадался Лесь.

Вязников стыдливо отвел портфель. Уши были большие и круглые, как грузди. «И помытые», — язвительно подумал Лесь. Но тут же спохватился: не до злорадства.

— Как же нам теперь быть-то? А, Вязников?

— Житья не дадут, — горько сказал тот.

— А может, у других так же?

— Нет, я уже смотрел. Только у нас двоих.

У Лесья уже слезы в голосе:

— За что нам такое наказание?

— Выходит, есть за что, — значительно и скорбно произнес Вязников. — Но теперь не плакать надо, а выход искать.

— Какой?

— У тебя же есть желтая нитка! Давай...

Лесь торопливо разул левую ногу, смотал нитку с пальца.

— Сядь, — велел Вязников, и Лесь послушно присел на глыбу ракушечника. Вязников намотал нитку вокруг уха на его коленке.

— Потерпи... — и дернул!

— Ай...

Но оказалось, что не очень больно. Ухо улетело в траву, а на коричневом колене остался розовый след, похожий на букву С.

— Теперь другое...

— Ага... Ай!.. Теперь давай я тебе...

И уши с колен Вязникова улетели в травяную чашу. Лесь проследил за полетом последнего, сказал задумчиво:

— А все-таки как-то жаль их...

— Ничего. Они превратятся в раковины, и в них будут зимовать твои желтые кузнечики.

— Ты откуда знаешь про кузнечиков?

Вязников улыбнулся, но без насмешки.

— Я, Носов, много про что знаю.

— А про что еще? — насторожился Лесь.

— Ну, например, как вы с Малютиной купались в тайной бухте, и она из-за тебя чуть не потонула... Но не бойся, я никому не скажу.

Лесь оттопырил губу:

— Говори, если хочешь! Подумаешь...

— Нет, не скажу...

— Ты лучше бы перестал меня на гараже рисовать! Вязников развел руками:

— А вот это не могу. Я слово дал, что буду до десятого класса.

— Дурак ты, Вязников!

— Может быть... Но что поделаешь, если слово...

— Ничего не поделаешь, — согласился Лесь.

— Ой, подожди... Я придумал! — Вязников выхватил из портфеля обрезок бамбуковой палки. — Вот, возьми!

— Зачем? Стучать тебя за каждый рисунок? Не буду я...

— Не стучать! Сделай из нее флейту.

— Флейту? Зачем?

— Как заиграешь, мой рисунок сразу станет невидимым! Растает у всех на глазах.

— Ты, Вязников, это хорошо придумал, — медленно проговорил Лесь. Ему хотелось вспомнить: где еще, в каком его сне тоже была флейта?

Но не успел. Проснулся по-настоящему.

Наяву идти в школу было не надо — выходной.

После завтрака Лесь вытащил из сарая обломки дедушкиного бамбукового кресла-качалки. Выпил из спинки желтую лаковую трубку — сантиметров сорок длиной. И стал размышлять: как из этой штуки сделать флейту? В музыкальных вопросах Лесь не разбирался, это ведь не солнечная энергия.

«Надо спросить у Гайки», — подумал он.

Гайка оказалась легка на помине, возникла перед домом.

Все Гайке обрадовались: Пират приветливо помахал хвостом, дядя Шкип соскочил с конуры и потерся о Гайкины ноги, а Лесь сказал:

— Ты знаешь, как устроены флейты?

Гайка не знала. Она в свое время училась играть на фортепьяно.

— Если хочешь, узнаю у старых знакомых.

— Узнай.

Весельи ЗВОНУК

СОСТАВИЛ
И ОФОРМИЛ
Л. КАМИНСКИЙ

Нам нисколько не обидно
То, что мы не вундеркинды,
Что средь нас один лишь гений —
Вундеркинд Петров Евгений.

Вот Сан Санычу решенье,
Бормоча, Петров вручил —
Саныч наш от восхищенья
Аж на стуле подскочил!

Протирает то и дело
Запотевшие очки:
— Смело, братец! Ай, как смело!
Так-так-так... ага... алчхи...

Мел берут, к доске подходят,
И давай писать, решать...
Все на цыпочках выходят,
Чтоб процессу не мешать.

— Лесь...
— Что?
— А помнишь, ты вчера обещал показать мне Безлюдных Пространств...
Лесь поморщился. Не хотелось ему туда сейчас, о флейте были мысли. Но он вспомнил, что один раз уже обманул Гайку — насчет кузнечика.
— Ладно, идем... Мама! Мы пойдем погуляем с Гайкой!
— Только недолго!
А Це-це тут как тут:
— Лесик, ты опять босиком! И без рубашки, без майки! Это же нехорошо. Тем более, идешь с девочкой...
— Тетя Це-це! Я же не в театр с ней иду на балет «Лебединый щелкунчик»! Мы на берег!
— Только не купайся! Или, по крайней мере, купайся рядом со взрослыми!
— Ладно! — И хмыкнул: «Рядом со взрослыми. В Безлюдных-то Пространствах...»

Гайка призналась, что боится колючек, поэтому пошла через балку не тропинками, а в обход: мимо рынка и потом через гулкий железный мост. Перед мостом, в Торговом переулке, Лесь увидел своего недруга. Тот шел со старушкой. Видимо, направлялся со своей бабушкой на рынок. Они шагали навстречу.
Лесь толкнул Гайку локтем.
— Смотри, вон идет тот самый Вязников! — Лесь сказал это громко и бесцеремонно, словно про встречную лошадь или кота. Вязников не отвел глаз. Небрежно улыбнулся: мне, мол, наплевать на твое нахальство.
Они неторопливо сходились.

Вязников был сейчас, конечно, без черной бабочки и без белой рубашки. В старенькой желтой майке, выцветших коричневых трусиках и растоптанных полукедах на босу ногу. Поэтому он не казался таким противным, как в школе. По правде говоря, он совсем не казался противным. Тем более, что Лесь не забыл недавний сон.
Но сон — это сон, а жизнь — это жизнь.
— Смотри, Гайка, этот синяк под левым глазом ему поставил я! Вчера.
Синяк и правда был еще заметен.
— Не надо... — шепотом попросила Гайка. Она не понимала тонкости их отношений и боялась, что повторится драка.
Вязников, проходя мимо, улыбнулся очень вежливо:
— Здравствуй, Гулькин. Нос у тебя все еще распухший...
— Неправда, — надменно откликнулся Лесь. И Вязников отвел глаза, потому что в самом деле сказал неправду.
Лесь и Вязников разошлись, а потом вдруг оглянулись друг на друга. Слово по слову. И остановились.
— Не надо, Лесь, — бояливо попросила Гайка.
— Вязников, иди сюда, — нейтральным голосом сказал Лесь.
Вязников, улыбаясь все так же, пошел к Лесю. Бабушка смотрела вслед бледно-голубыми глазами. Наверно, думала, что встретились приятели.
Они сошлись. Гайка опасно моргала.
Лесь поджал ногу, смотал с пальца желтую нитку, скатал в комок. Его осенило этакое вдохновение.
— Давай, Вязников, я сведу твой синяк. Не бойся, это по правде.
— Я не боюсь, — вздохнул он. — Я знаю, что по правде.

КОНКУРС "И все замечательнее!"

ЛЮБИТЕЛЬ ФРУКТОВ

ПАПА ГЕРАКЛА

Мы проходили тему «Разделительные знаки при однородных членах предложения». Светлана Григорьевна взяла мел и написала на доске предложение без запятых: «В саду росли яблоки груши сливы.» Потом она обратилась к классу с вопросом:
— Что здесь не хватает?
— Тут Петя поднял руку и бодро произнес:
— Абрикосов!
И все засмеялись!

Стасик Гилицкий,
4 класс,
Липецкая обл.

УВАЖИ-
ТЕЛЬНАЯ
ПРИЧИНА

На уроке физкультуры у нас были лыжные соревнования. Все надели лыжи и поехали, обгоняя друг друга. К концу урока ребята собрались у школы, только Саши не было. Наконец, появился и он.
— В чем дело? — спросил Иван Петрович. — Почему ты задержался?
— А у меня лыжня сломалась, — объяснил Саши.
И все засмеялись!

Оля Кадоцкая,
4 класс,
Оренбургская обл.

Лесь три секунды подержал шерстяной комочек в солнечных лучах и потер им синяк Вязникова. Раз, второй. Вязников зажмурился и послушно замер.
Наконец Лесь опустил руку. Кажется, синяк побледнел.
— Ну вот. Через полчаса исчезнет совсем.
— Спасибо, — опять вздохнул Вязников.
— На здоровье... — и вдруг Лесь словно толкнуло что-то: — Слушай, Вязников, ты умеешь играть на флейте?
Вязников не удивился. Трогая мизинцем потертый синяк, ответил рассеянно:
— Учился когда-то... Но играть — это одно, а делать флейты — другое. Делать не умею...
Почему он так сказал? Насчет «делать»? Лесь даже суеверный колодок щекотнул. А Вязников повернулся и пошел к терпеливо ожидавшей его бабушке.
Тогда и Лесь пошел — в свою сторону. И Гайка с ним.
Через несколько шагов Гайка неуверенно высказалась:
— По-моему, он не такой уж отвратительный. Если смотреть со стороны...
Лесь промолчал. Остановился опять. Поставил на ракушечный поребрик ногу, стал наматывать нитку на палец, у которого нет названия.

ИСКРА НА ЧЕРНОМ КРУГЕ

Наблюдать затмение Лесь позвал Гайку и Ашотика. Потому что это были друзья. Познакомились друг с другом полторы недели назад, а казалось — давным-давно. И не было между ними никаких тайн...

Намечалось затмение на три часа пополудни, и Лесь, прибежав из школы, начал готовиться заранее. Установил на крыше пристройки телескоп с коричневым светофильтром и дополнительным прибором впереди трубы. Прибор назывался «СКОО». То есть «Система коррекции оптической оси». По-научному, да? Это и понятно. Лесь прочитал от корки и до корки «Занимательную астрономию» и книгу «Тайны космических стекол». Да и от врачей кое-что послушался, когда лечил глаза.
Лесь стоял теплый и — главное — совершенно безоблачный. Ничто не мешало наблюдениям, и н и к т о не мешал. Чтобы Це-це не квохтала на дворе: «Ах, осторожнее, ах, не упади с крыши, ах, тебе вредно смотреть на солнце», Лесь проявил хитрость. На кухню, глотая жареную картошку с кабачками, он заговорил:
— Зеленого горошка у нас нет? Вот жаль... А в магазине на Батарейной продают консервированный, большущие банки. И почти без очереди. Я слышал, на улице две бабки друг дружке рассказывали...
Мама, которая пришла со своей почты на обед, посмотрела на сына.
— Ох, Лесь...
Но Це-це уже схватила сумку. Она считала своим долгом добывание продуктов для всей семьи, и был у нее в этом деле особый азарт. А Батарейная слобода, между прочим, на другом берегу Большой бухты.
В половине третьего пришли Ашотик и Гайка. Ашотик сразу прилип к Пирату и дяде Шкипу, которые рядышком грелись на солнцепеке. Он любил животных. И теперь он устроился между котом и собакой, облапил Пирата за шею, а Шкипу гладил брюхо. Те довольно жмурились.
Лесь и Гайка забрались на крышу.
— Скоро? — прошептала Гайка. Она волновалась.

Утром Алеша не хотел вставать.
— Мама, можно я сегодня не пойду в детский садик, а завтра за это пойду два раза?

— Бабушка, ты когда роди- лась?
— В октябре.
— А я — в августе. Значит, я тебя старше!

Мы с братиком Алишером уби- рали квартиру. Он подмел пол и сказал:
— Гуля, посмотри, какой я гру- доливый!

Маша сидела у телевизора. Вдруг она позвала бабушку:
— Бабушка, иди скорей, по те- левизору рассказывают гипноз по- годы на завтра!

ПРИСЛАЛИ: Лена Рубцова (Са- халинская обл.), Валерия Кузнецова (г. Москва), Гуля Бегалиева (Джам- бульская обл.), Саша Крутов (Москов- ская обл.).

— Чем отличались перво- бытные люди от современных!
— Первобытные гуляли по улицам табунами, а современ- ные — семьями.

— Какой вред приносят ов- раги!
— Туда могут свалиться ко- ровы.

— Как нужно сидеть, чтобы сохранить правильную осанку!
— Нужно сидеть прямо и не класть живот на парту.

— Назови синоним к слову «длинный».
— Очень вертикальный.

— Назови зверей, занесе- ных в Красную книгу.
— Снежный человек.

ПРИСЛАЛИ: Лена Завьялова (г. Тобольск), Марина Мальшова (г. Екатеринбург), Таня Баженова (г. Фрунзе), Илона Голод (г. Славути), Оля Михалева (г. Казань).

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ХУТОРЕ

Рисунки О. Зайцевой

В воскресенье утро, еще затемно, от станции Иннокентий Спектров отправился на лыжах к деду Станиславу, который жил на лесном хуторе. Всю ночь шел снег, но к утру погода улучшилась.

1. Сторожевой пес Шарик встретил Иннокентия громким радостным лаем.

2. Дед Станислав показал Иннокентию пустой ящик стола. Вечером он приготовил пенсию, чтобы съездить за продуктами, утром денег не оказалось.

3. Владимира пришлось будить.
— Вечером я собирался в город, но повалил снег и я забрался под одеяло и сразу заснул.

4. Андрей выглядел веселым.
— Мне не спалось. Всю ночь я пил чай и смотрел видик.

5. Аркадий заявил, что ночью его вообще не было на хуторе.

Кто из постояльцев деду Станислава вынул подпорення Иннокентия Спектрова? За правильный ответ 15 очков.

Ей самой, по правде говоря, затмение было ни к чему, но очень-очень хотелось, чтобы все получилось у Лесья.

— Все будет в нужную минуту, как в календаре,— сухова то сказал Лесья. Он тоже волновался, но скрывал это.

В том, что они увидят затмение, Лесья был уверен. А вот пройдет ли луч сквозь Луну? Лесья понимал, как мало шансов, что два сквозных кратера окажутся на одной оптической оси... Тут недостаточно просто верить в удачу, надо этой удаче помогать. И Лесья, ради добро- го колдовства, нынешним утром надергал из флага ниток и намотал их уже не на один палец левой ноги, а на все пять...

Теперь оставалось ждать. Так же, как ждали ученые, приехавшие в Южную Африку и на всякие тропические острова...

Вот уже и пора бы начаться. Но ничего не было заметно. Лесья не отрывался от окуляра. Воздух был жаркий, а от замирания все равно озноб по спине... Увели- ченное телескопом Солнце сквозь темный фильтр каза- лось вишневым шаром. Совершенно круглым, без вся- кого следа наезжающей на него Луны. Неужели «СКОО» вероломно отказала в решительный момент? Нет, не отказала!

Сверху и сбоку на тускло светящийся шар наполнил еле заметный ноготок черноты. Вот он стал уже хорошо виден. Вот чернота отъела круглой челюстью от вишне- вого арбуза солидный кусок...

— Гайка, смотри... Осторожнее, не сбей трубу... Гайка ткнулась глазом в телескоп.

— Ой-й... Лесья, ты великий изобретатель...

— Красиво, да?

— Да...

Было и в самом деле красиво. Но в то же время и страшновато. Вернее, не страшновато, а... как-то слиш- ком просторно, что ли...

Это было похоже на то, что первый раз ощутила Гайка на Безлюдных Пространствах.

Вроде бы ничего особенного она там не увидела. То же, что в Заповеднике. Те же развалины, та же польнь, сурепка да чертополох. Но когда Лесья вывел ее туда по тесному скальному проходу с берега бухты, Гайка сразу замерла. И первые минуты говорила только шепотом. Такая здесь была ширь и солнечная тишина. И полное понимание, что нет здесь никого, кроме них двоих — Гайки Малютиной и Лесья Носова.

То есть, живые существа были. Пробивали тишину сухими трелями кузнечики. Сновали по камням ящери- цы. Совершенно по-домашнему прыгали воробьи, а над обрывами реяли чайки. Но люди здесь не появлялись давным-давно, это чувствовалось сразу. Лишь древние следы их виднелись всюду. Заросшие остатки домов, ко- лонны и арки на месте храмов, серые развалины кре- постных стен, похожие на гребни гигантских ящеров. И все это — до горизонта...

Но в развалинах не было ничего пугающего и не было печали. Только спокойствие и тихая ласковость. И Гайка быстро доверилась Безлюдным Пространствам. И скоро привыкла к ним. Наверно, потому, что рядом был Лесья.

Потом они не раз бродили с Лесьем по укрытым куста- ми древним мостовым, по набережным старинных при- станей и под мостами разрушенных водопроводов. Вре- мя здесь не совсем стояло, но двигалось еле-еле, и мож- но было не спешить.

Они ходили, взявшись за руки, и разговаривали про свою жизнь.

РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ФАНТАСТИКА?

Рисунки Ш. Ворошилова

ЖИВА ЛИ СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ?

Весной 1983 года фермеры, живущие в местечке Дреустоун близ города Девоншир (Великобритания), стали жаловаться на то, что в их стадах пропадают ягнята. Некоторых вскоре находили разодранными в клочья. Изредка на земле обнаруживали огромные следы, немного напоминающие собачьи или волчьи, но более крупных размеров. Вызванные охотники в один голос утверждали, что волков в этих местах нет. Вскоре некоторые из местных жителей стали рассказывать, что видели загадочного хищника, который бесшумно появлялся с болот и так же бесшумно исчезал, лишь изредка издавая жуткий вой. Одни сравнивали

зверя с огромной собакой, другие с леопардом, третьи — еще бог весть с чем. Рассказывали и совсем необычные подробности: что зверь-де светится по ночам. Кто-то из фермеров, устав от бесплодных поисков странного хищника, принялся перелистывать томик Конан Дойла и в повести о собаке Баскервилей наткнулся на такое место: «...Над Гуго стояло мерзкое чудовище — огромный черной масти зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее всех собак, каких когда-либо приходилось видеть смертному. И это чудовище у них на глазах растерзало горло Гуго Баскервила и, повернув к ним свою окровавленную морду, сверкнуло горящими глазами.

Тогда они вскрикнули, обуянные страхом, и не переставая кричать, помчались во весь опор по болотам. Один из них, как говорят, умер в ту же ночь, не перенеся того, чему пришлось быть свидетелем...»
Конан Дойл не придумал эту легенду. Она действительно бытовала в местах близ города Девоншир и относилась к окрестным торфяным болотам. «А может, загадочная и свирепая собака до сих пор не умерла», — всполошились фермеры. Для того, чтобы в этом разобраться, за отсутствием Шерлока Холмса пригласили двух английских ученых — Нигеля Брайли и Тревора Бира. Те всерьез заинтересовались загадкой и начали расследование. Вот что удалось узнать. Все сви-

детели — а их набралось несколько сотен — в один голос утверждали, что видели большое животное, похожее то ли на собаку, то ли на пантеру, которое иногда беззвучными ногами появлялось из леса или из торфяных болот, а к утру исчезало, оставляя после себя огромные следы и растерзанных овец со следами огромных зубов. Попытки застрелить загадочное существо предпринимались неоднократно, но ни к чему не приводили. Ученые выяснили, что эти легенды бытовали и много раньше 1983 г. Легенда о Гуго Баскервиле, записанная в начале XVIII в., была не первым и не последним упоминанием о загадочной твари. Видели ее в XIX в., в начале двадцатого, последние

свидетельства принадлежат 1994 году. Несколько интересных находок сделано в самое последнее время. Один раз на месте появления ночного чудовища обнаружили куски шерсти. Провели экспертизу, ближе всего они были к шерсти рыси. Несколько лет назад в местной печати появилось сообщение, что загадка, наконец, решена. В этих местах охотники застрелили огромного бенгальского кота, невесть как туда попавшего из Индии. Скорее всего, этот заморский хищник сбегал из частного зверинца, принадлежавшего любителю экзотических животных. Но растерзать овцу он не смог бы. Два года назад была сделана наиболее сенсационная

находка, которая, однако, не смогла решить проблемы. В болотах нашли полуразрушенный череп крупного хищника. Но даже опытные зоологи не смогли определить его принадлежность. Чем-то он походил на череп леопарда...
Английские ученые склоняются к мнению, что речь, скорее всего, идет не о собаке (как то утверждал сэр Артур Конан Дойл), а о каком-то крупном кошачьем. Хотя понять, каким образом в относительно густонаселенном районе на протяжении столетий сохраняется самоподдерживающаяся популяция, наука пока не в состоянии.
Возможно такое предположение. Начиная со II века в Англии в рыцарских замках не-

Лесь рассказывал, что дядя Сима скоро вернется из командировки и, наверно, уволится с прежней работы, потому что надоело все время ездить по другим городам. Его зовут на должность заместителя начальника в маленький яхт-клуб при заводе Точных приборов. У дяди Симы там есть давний друг, Никита Матвеевич. Они вдвоем решили отремонтировать небольшую полуразбитую яхту, и тогда у них (а, значит, и у Лесья) будет собственный кораблик. Лишь бы в городе стало поспокойнее, а жители Горного берега перестали палить друг в друга из всех видов оружия...
— Думаешь, перестанут? — спросила Гайка.
— Ну, не могут же нормальные люди все время жить... вот так... — сумрачно сказал Лесь. — Иначе... это же пойдет, как зараза, по всей Земле.
— Думаешь, они нормальные?.. Ты же сам говорил, что инопланетяне людям мозги облучают. Вот и получается ненормальность...
Лесь пожал плечами.
— На кого-то излучение действует, а на кого-то нет. Наверно, тут и от самих людей зависит... Не все ведь поддаются... Взрослые, по-моему, легче заряжаются злостью, чем ребята...
— Всякое бывает... — нерешительно отозвалась Гайка. — Вот вы с Вязниковым тоже что-то делите...
— Опять ты про него! Чуть что, сразу «Вязников»!.. Дружила бы тогда с Вязниковым, а не со мной...
— Какой ты глупый!
— Не глупый, а надоело. Ты все время его вспоминаешь!
— Не все время, а иногда. Потому что боюсь...
— Вязникова?!
— Не его, а... что станете большими и сделаетесь правдашными врагами. Кровавыми...

— Вот ты и есть глупая, — вздохнул Лесь. — Не бойся за своего Вязникова.
— За «своего»? Я не о нем думаю, а о тебе. Чтобы ты с ним помирилась. Хоть перед отъездом.
— Перед каким отъездом? — Лесь сбил шаг.
— Он говорил, что, наверно, скоро уедет.
— Куда?!
— С родителями, в другой город...
— Он это тебе говорил? Ты с ним разговаривала?
Гайка опустила голову, но призналась без промедления:
— Недавно... Подошла на перемене и сказала: «Вязников, помирились бы вы с Лесем...»
— А он?
— Он даже не удивился. Говорит: «Мы и не споримся...» А я: «Сейчас не споритесь, а потом опять нарисуетесь...» Тогда он и сказал: «Не успею. Мы в новом году, наверно, уедем. Насовсем...»
Лесь вдруг заново услышал, как тихо на Безлюдных Пространствах. И показалось, что где-то далеко заиграла флейта...
Он сказал, не глядя на виноватую Гайку:
— Ну что ж... Тут уж ничего не поделаешь...
— Помирились-то можно успеть.
— Все равно ведь разъедемся, — возразил Лесь. А флейта все играла вдали. — Гайка... А он правда не удивился, что ты про это заговорила?
— Ничуть... Он вообще какой-то...
— Какой?
— Будто про многое знает... Про нас с тобой...
Лесь вспомнил и признался бесхитростно:
— Мне один раз приснилось, что он мне сказал, будто знает, как мы купались в нашей бухте... и что там случилось...

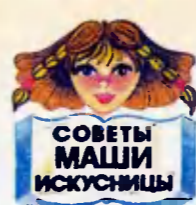
Гайка откликнулась еле слышно:
— Может, и правда...
— Никто не мог узнать, не бойся...
— Я и не боюсь.
— Боишься, — поддел Лесь, — что от мамы влетит.
— А вот нисколько! Мама и так знает...
— Откуда?! — перепугался Лесь.
— Я сама рассказала... У нас с мамой такой обычай: перед днем рождения я про все свои провинности рассказываю. Чтобы следующий год жизни начинать... ну, так, с чистой совестью. И мама не сердится... Вот, я и призналась, что купалась без спроса и что ты меня спас...
Все это Гайка вспомнила сейчас за какие-то полминуты. Когда смотрела, как черная Луна ползет на вишневое Солнце.
Лесь отодвинул ее плечом, глянул сам.
— Ого, сколько уже закрыла... Ашотик, иди посмотри на затмение!
Ашотик послушно забрался на крышу. Посмотрел в окуляр. Удивился, как полагается:
— Ай как красиво... — но при этом зябко шевельнул под свитером спиной. И спросил негромко: — Лесь, можно я возьму Кузю, мы поиграем?
У Ашотика был теперь и свой желтый кузнечик — Денис. Он вывелся из пластмассового мячика два дня назад. И Ашотик его, конечно, полюбил. Но Денис, как и всякое только что родившееся дитя, был еще неразумын. За сутки он научился лишь отзывать на свое имя да кувыряться через голову. А Кузя — тот прямо как веселый человечек. И Ашотик не упускал случая порезвиться с ним.
Ашотик неуклюже, но быстро сполз по приставной лестнице. А Лесь опять приник к окуляру.

От Солнца остался только светящийся серп, остальную часть закрыла глухая круглая чернота.
— Ой, Гайка, сейчас...
— Дай взглянуть.
— Только быстро. Я боюсь пропустить момент... Лесь не пропустил момент.
...Луна закрыла солнце полностью. Пунцовый серп исчез, и в тот же миг вокруг черного диска зажглась бледная лучистая корона.
Лесь дернул в сторону фильтр. И корона засияла золотом!
Но не этот свет и блеск нужен был Лесю. Сердце у него колотилось лихорадочно, и приходилось то и дело переводить дыхание.
Ну где ты, где, единственный нужный лучик?
И вот — случилось. На бархатно-угольном круге проклюнулась колючая звездочка.
Лесь охнул, схватил «лейденскую» банку, приставил отверстие к окуляру. И сразу понял — есть энергия! Банка наполнилась плотной, увесистой теплотой... Не лопнула бы! Лесь щелкнул резинкой жестяного затвора. Банку прижал к груди, а сам опять глянул в окуляр.
Полного затмения уже не было. Черный диск тихо двигался и снова открыл — теперь с другой стороны — солнечный серп. Без фильтра серп казался ослепительным. Лесь засмеялся и заморгал.
Для излучателя у Лесья заранее был приготовлен приклад. Выструган из обрезка доски. Вроде маленького самодельного ружья.
Лесь изолянтной примотал к этому ружью банку. Длинную резинку затвора соединил с проволочным

редко жили вывезенные из Африки и прирученные гепарды — мощные, стремительные и грозные животные. В отличие от других крупных кошачьих — рыси, леопарда, льва или тигра, гепарды поддаются дрессировке. В Англии (как, кстати, и в России) их использовали как ловчих животных на охоте. Внешне гепарды похожи как на кошек, так и на собак. Следы гепарда, у которого, в отличие от других крупных кошек, не убираются когти, более всего похожи на следы огромной собаки.

Может, триста-четыре года назад несколько гепардов сбежали из зверинца какого-нибудь английского феодала и создали на глухих болотах малочисленную, но относительно стабильную популяцию! Событие, в принципе, возможное. Может, оно и положило начало легендам о собаке Баскервилей.

В. Б. САПУНОВ,
доктор биологических наук

СОВЕТЫ МАШИНИСТКИ ИСКУСНИЦЫ

Здравствуй! Сегодня поучимся укладывать волосы феном по всем правилам. Итак:

Правило 1. Красиво уложить можно только чистые и влажные волосы.

Правило 2. Кроме фена понадобятся массажная щетка, обычная расческа (или щипцы) для накручивания прядей.

Правило 3. Самое главное при сушке феном — приподнять волосы, это придаст им объем и пышность.

Правило 4. Волосы укладываются по привычному направлению (слева направо или наоборот), иначе они будут распадаться на пробор.

Правило 5. Накручивать волосы на расческу или щипцы нужно тонкими

прядями, начиная с макушки и спускаясь вниз по затылку, потом — по темени и по бокам. Челка укладывается в последнюю очередь. Чтобы сделать так называемую «мокрую» или «рваную» челку, смочи пальцы в жидкости для укладки и склей кончики волос в тоненькие пряди. Можно чуть-чуть закрепить их лаком. Кстати, последнее, шестое, правило укладки: лак разбрызгивается с расстояния не меньше 30 см.

Вот и все! А теперь посмотри в зеркало на свои аккуратно уложенные волосы. Нравятся ты себе? И мне тоже.

Вот с этим настроением давай и расстанемся до следующей нашей встречи!

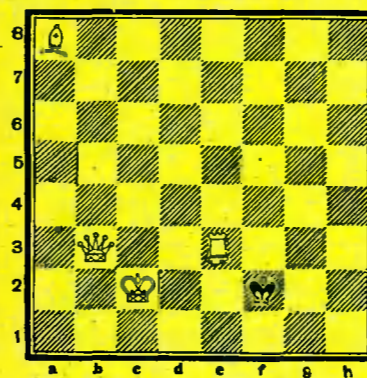
ЧЕМПИОНАТ-95

Всем разведчикам — участникам Чемпионата АРЧЕБЕКА — предлагаются задания 2-го тура. А еще не вступившим в АРЧЕБЕК, но желающим побороться за призы, дипломы и спортивные разряды, нужно написать заявку по адресу: 193024, Санкт-Петербург-24, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК. Ждем!

Итак, боевые задания 2-го тура. ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крf4, Фа2, Лh8, Кf7; черные: Кpg7.

Б. Позиция на диаграмме.

Цель разведки: и в А и в Б обеспечить мат в два хода черному королю. ШАШКИ.

А. Белые: c1, c3, e1, e5, f4, g1, h2; черные: a5, b6, c7, d6, g7, h4, h6.

Б. Белые: c1, e1, f2, g3, h2, h6; черные: a3, c3, d4, e7, f8, g7.

Цель разведки: и в А и в Б найти пути к победе белых.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ

В конкурсе «Книга жалоб» (№ 9, 1994) награждается разведчик Александр Мосалев (Муром). Его ответ: пешка а6 стояла на b5, на а6 стоял черный конь, а их последний ход был с7—с5, в ответ на что Гуров взял коня (b5:a6). Вместо этого Гуров мог объявить мат, побив черную пешку с5 «на проходе» (b5:c6X). Кто не знает, что значит побить «на проходе», может спросить об этом шахмат-адмирала Ферзьбери.

В конкурсе «Приз! А кому???» (№ 10, 1994) награждается разведчица Анна Панфилова (Санкт-Петербург). Ее ответ: в позиции на диаграмме к мату в 2 хода ведет 1. Фd8! Если поменять местами королей, то к мату в 2 хода ведет 1. Ka1!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Чемпионат, призовой тур («Костер» № 10), решения:

ШХМ. А. Мат дается в 3 хода — 1. Кра2! Крf1 2. Кf3; 1... Кpd1 2. Кd3. Б. В 7 ходов — 1. Фg7! Kg5 2. Фd4+Ke4 3. Фg1! h6 4. Фg7! Kg5 5. Фd4+Ke4 6. Фg1! В. В 4 хода — 1. Фh4! Лg8 2. Фh2+ Кра8 3. Фа2+; 1... Лf8 2. Фg3+ и т. д. Г. В 3 хода — 1. Лh6! К:h6 2. Kg5!; 1... Ke7 2. Кf4. Д. Лишь ничья — 1. Крс6 Кре2! 2. g4 Крд3! 3. g5 e2 4. Сb4 Кс7! 5. Кр:c7 Крс4! =. Е. К победе ведет 1. Крг1! и т. д., но не 1. Крf3? из-за 1... h3! с ничьей.

ШШ. А. Выигрыш — 1.e7! 2.f4!X. Б. Выигрыш — 1.g5! 2.g3 e1 3.ab2! 4.c3X. В. Лишь ничья — 1.dc5 de5 2.d6 b6! 3.f4 e5! 4.d6 g5! =; или 1.a5 de5 =. Г. Лишь ничья — 1.cd2 b2! 2.g5 3.e3 4.a1 b4 5.b2 c7! =. Д. Выигрыш — 1.g3! b2 2.f4 a1 3.fe5 b2 4.g5!X. Е. Выигрывают черные — 1.d8 d2! 2.b6 h4! 3.d4 de1!X.

Призеры Чемпионата будут названы позже.

ПРИКАЗ № 2

Я, Главнокомандующий АРЧЕБЕК-Ком, ПРИКАЗЫВАЮ:

§1. Рапорты о выполнении заданий отправить в течение месяца со дня получения журнала.

Шахмат-адмирал Ферзьбери.

крючком. Нажмешь спуск — откроется в доньшке клапан...

— А это предохранитель... — И Лесь медной скобкой зажал спусковой крючок. — А то надавишь нечаянно и знаешь, какая сила вырвется, ой-ей-ей... И вдруг в кого-нибудь вляпает случайно!

— Но это же добрая сила, ты сам говорил, — опасно напомнила Гайка.

— Добрая энергия тоже может сжечь, если сверх меры. Как солнце...

— А что она еще может? — серьезно спросил Ашотик.

— А вот это как раз и надо выяснить...

— Она может злых людей делать добрыми, — сказала Ашотику Гайка. — Помнишь, Лесь объяснял?

— Но это еще не точно. Попробовав надо... — Лесь покачал в ладонях излучатель.

Ашотик своими пушисто-коричневыми глазами посмотрел на Гайку, на Лесья. Спросил еле слышно:

— А... оживлять людей, которые умерли, не может?

Тихо стало, как на Безлюдных Пространствах. Даже Кузя, который сидел на плече Ашотика, словно засох.

— Наверно, нет... — виновато выговорил Лесь. — Тут уж ничего не подделаешь... Разве что того, кто умер минутой назад и в нем еще хоть крошечная капелька жизни... Это как аккумулятор. Если разряженный, можно зарядить снова, а если разбился, то никак...

Ашотик взял Кузю на ладонь,дохнул на него. Тот ожил, кувыркнулся. Но Ашотик не стал веселее.

— Можно, я пойду домой? — и объяснил, чтобы не обижались: — Я по Денису соскучился. А он, наверно, по мне...

Лесь покосился на Гайку. Ему до сих пор было неловко, что Дениса он подарил Ашотику, а не ей. Хотя

Гайке на день рождения он принес драгоценную вещь — стеклянный кубик от шкатулки Це-це.

Едва Лесь подумал о Це-це, как она оказалась легка на помине. Появилась с авоськой... полной банок с зеленым горошком.

— Лесь, какой ты умница, что сказал про этот магазин! Я истратила на горошек все деньги, но ведь это так-токий дефицит! Теперь мы с запасом на зиму!

Лесь почувствовал, как он краснеет. Хорошо, что под загаром не видно.

— Тетя Цеца, давайте сумку, я унесу на кухню!

— Спасибо, мой хороший!.. Я еле дотащила эту тяжесть. Но самое тяжелое — стоять в очереди. Там все, словно... враги друг другу. Бабушка, дряхлая совсем, умоляла: пустите, голубчики, устала я стоять, мне всего одну баночку. Так ее из магазина в шею... Я заступилась, но тут и меня чуть не съели...

Лесь потускнел и потащил авоську в дом. Выгибаясь от тяжести. Излучатель висел у него за спиной, будто автомат на ремне. Гайка смотрела вслед. И вдруг представила, как Лесь, расставив ноги, перехватывает излучатель и веером хлещет из него невидимой жаркой энергией — по тесной очереди хмурых, отравленных злобой людей...

И что же люди? Размякнут, заулыбаются, кинутся вслед за старушкой, которую прогнали? С удивлением и неловкостью глянут друг на друга? Будто проснутся: что это с нами было, люди?..

Гайке не верилось...

А Лесь уже возвращался.

— Ашотик, давай я унесу Кузю. А потом мы тебя проводим...

Лесь и Гайка отвели Ашотика домой и пошли к Большой гавани, на Адмиральскую набережную. Лесь, ка-

жется, знал что ему делать. Гайка не спрашивала, просто шла рядом. Была в ней непонятная тревога.

С высокой набережной виден был выход из бухты, перегороженной бонами, и другой берег, называвшийся Батарейная слобода. И мыс, где стоял полукруглый старинный форт.

Сейчас форт был наполовину закрыт серым корпусом крейсера-авиатки «Ладонь». Название авиатки полагалось говорить с ударением на «а». Но все ее называли «Ладонь» или «Ладонька». На широкой стальной палубе — будто и правда на ладони, как уснувшие мухи — сидели боевые вертолеты. По бортам торчали расчехленные ракетные установки, похожие на кусочки пчелиных сот.

Город был спокоен и тих. По набережной и бульвару гуляли взрослые и ребята. Здешние и туристы. От музыкального фонтана доносилась переливчатая мелодия. На стальную великанскую «Ладоньку» смотрели спокойно. Но в этом спокойствии была усталость. Так люди, живущие рядом со складом боеприпасов, устают от страха и уже не думают о постоянной опасности...

«Ладонь» хотела уйти. В другой порт, на базу другого флота, который теперь считался заграничным. И подняла нездешний флаг. Так решил командир авиатки, и его поддержал экипаж.

Штаб запретил уход. Пригрозил «принять все меры» и привел в готовность береговые батареи. «Ладонь» расчехлила установки. После чего в штабе начались долгие и бесплозные переговоры. Авиатка с раскаленной от солнца палубой уже неделю стояла у выхода из бухты — громадная, стальная, неумолимая. На корабле и на берегу боевые вахты дежурили у пусковых пультов. На площадях и в скверах порой собирались митинги — кто за «Ладонь», кто за штаб. Тех и других

иногда пытались разогнать парни в пятнистых робах и лиловых беретах. Один раз с лиловыми беретами крепко сцепились черные — морской десант. Правда, без стрельбы, врукопашную. Досталось и тем, и другим.

Дядя Сима сказал по этому поводу: — Романтика гражданской войны... Мало, что на Горном берегу все передрались, так и нашим не сидится. Адмиралы грызутся за власть, а у лейтенантов и мичманов зуд под копчиком. И матросики туда же...

Лесь крепко сжал излучатель.

— Гайка, если сейчас лучом по «Ладоньке»! Может, пропадет у них агрессивность? А то ведь шархнут из установок, тогда половина Батарейной слободы в дым...

— Давай, Лесь, — неуверенно согласилась Гайка. Лесь уперся локтями в гранитный парапет...

Вот тут-то и подошел Вязников.

— Чем это вы занимаетесь? — видно было, что он прячет под ленивой усмешкой настоящее любопытство.

— Играем, — сказала Гайка миролюбиво. И посмотрела на Лесья: «Не задирайся, ладно?» А он и не собирался. Хотя и досадно было, что Вязников помешал.

Вязников тронул пальцем банку. Спросил совсем серьезно:

— Это что? Космический бластер?

— Да, — сказал Лесь. Он ведь ничем не рисковал. Все равно Вязников не догадается. — Особый излучатель. Сейчас шархнут по «Ладоньке» секретной энергией, и там сразу раздумают ракетами грозить.

— Не надо, Лесь, — вздохнул Вязников. Будто поверил. — У меня там старший брат. Мичман.

— Но это же безвредно для людей! — быстро разъяснила Гайка. — У них только злость исчезнет.

Ответ на задание Конкурса Юных Детективов в «Костре» № 1

Куда исчезла капуста! Она попала в мешок слугителя, который утащил ее от слона.

Ответ на загадочный снимок в № 1, 1995 г.

Это очень печальная фотография. Черное животное на ней — белый медведь, попавший в нефтяное пятно у берегов Аляски после аварии американского танкера.

Сумеет ли мишка выжить?

Снимок еще раз напоминает, как человек своими непродуманными действиями губит природу.

Ответ на вопрос в «Костре» № 1, 1995 г. (См. 4-ю страницу обложки)

Мелавель, изображенный на значке под № 1, — из города Перми; под № 2 — из Ярославля; под № 3 — из Малого Ярославца.

«ВО СЛАВУ РОССИЙСКОГО ОРУЖИЯ»

В 1769 году, во время русско-турецкой войны, к крепости Галац был направлен полк Федора Фабрициана: из гренадеров, егерей и казаков-донцов. Всего 1600 человек.

Самым серьезным препятствием на подступах к Галацу была хорошо защищенная батарея. Миновать ее не позволяла местность. А турки решили встретить русских солдат на подходе к крепости. Из нее вышло более семи тысяч османов, то есть противник имел почти пятикратное превосходство! Но русских солдат это не смутило.

Первыми вступили в бой егеря. И случилось так, что турецкий заслон батареи не выдержал их меткого огня, бросил окопы, побежал назад. Следом за ними устремились гренадеры. Батарея успела сделать лишь несколько выстрелов, и те вслепую.

Чтобы как-то исправить положение, турецкий сераскер бросил вперед своих янычар с приказом отбить

батарею. Но русские уже успели повернуть захваченные орудия и ударили картечью по янычарам. Турки в страхе отхлынули назад, оставляя на земле десятки убитых. А тут еще с флангов выскочила русская кавалерия, до этого выжидавшая своего часа. Гренадеры же и егеря, ведомые Фабрицианом, пошли на штурм Галаца.

К вечеру галацкая крепость была полностью очищена от турок.

Сразу после прибытия к главным силам русской армии гренадерский подполковник Федор Фабрициан был награжден орденом св. Георгия 3-й степени, который присуждался только за отвагу, проявленную на поле боя. И стал первым Георгиевским кавалером.

А учредила орден св. Георгия императрица Екатерина II 26 ноября 1769 года, и сразу наградила себя Георгиевским крестом 1-й степени, став первой кавалерственной дамой.

«Военный орден святого великомученика и победоносца Георгия» — как назывался он полностью — имел четыре степени. Высшей степенью являлась первая. Это был золотой, покрытый белой эмалью крест с изображением в центре скачущего на коне Святого Георгия, поражающего копьём дракона, как на гербе Московского царства.

С самого начала своего существования орден св. Георгия получил особое значение, как орден военный — за храбрость. Представлял к нему только Совет при главнокомандующем. В мирное время награждение определяло общее собрание кавалеров этого ордена, ежегодно собиравшееся в Санкт-Петербурге в зале Военной коллегии.

Ордена удаивался только тот, «кто не только обязанность свою исполнил во всем по присяге, долгу и чести, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особенным отличием».

Статусом было определено также «сей орден никогда не снимать».

Четвертой степенью ордена мог быть награжден любой офицер, третьей — только генералы, полковники и подполковники, уже имеющие орден четвертой степени. Был, правда, случай, когда Александр Васильевич Суворов за победу под Ланцироной получил сразу Георгия третьей степени, миновав четвертую. Вскоре за

штурм Туртукая он был награжден и орденом второй степени. Первую же степень он получил лишь спустя 16 лет за победу над турками при Рымнике.

За 148 лет существования ордена полными его кавалерами, то есть награжденными всеми четырьмя степенями, были только четверо: Михаил Илларионович Кутузов, Михаил Богданович Барклай-де-Толли, Иван Иванович Дибич и Иван Федорович Паскевич.

Были и три женщины — кавалеры этого ордена. Сама Екатерина II, как учредительница, сицилийская королева Мария София Амалия (крест 4-й степени она получила от Александра II в 1861 году за разгром восстания Гарибальди) и сестра милосердия Раиса Михайловна Иванова — ее наградили посмертно в 1916 году за то, что после гибели офицеров роты, она взяла командование на себя и отбила атаку неприятеля.

С 1849 года имена всех кавалеров, награжденных любой степенью ордена св. Георгия, стали наноситься на мраморные доски зала Большого Кремлевского дворца, в честь чего и зал стал именоваться Георгиевским.

Награждались и целые воинские части: им присуждались Георгиевские знамена и трубы. Так, за победу в Кульмском сражении Преображенский и Семеновские полки были награждены Георгиевскими знаменами, а Измайловский и Егерский — Георгиевскими трубами.

Кроме ордена св. Георгия много в России было славных орденов, о них вы могли прочитать в «Костре» № 2—3, 1992 г.

Орден св. Георгия предназначались офицерам, но уже фельдмаршалы Румянцев и Суворов хлопотали у монархов о создании наград для нижних чинов. Созданы такие награды были только Александром I. В 1807 году появился «Знак отличия военного ордена для нижних воинских чинов», по форме повторявший орден св. Георгия, но серебряный, без эмалей и в одной степени. Именно этот знак и получил название «Георгиевский крест».

В 1856 году «Георгиевский крест» был разделен на четыре степени, высшей из которых являлась первая. Две первые степени были золотыми, третья и четвертая — серебряными. У крестов первой и третьей степени к ленте прикреплялся бант. Если кто-либо из воинов награждался всеми четырьмя крестами, что бывало чрезвычайно редко, то говорили, что награжденный — «полный георгиевский кавалер», что он имеет полный бант. Такими полными георгиевскими кавалерами в первую мировую войну были Чапаев, Буденный, будущий маршал Советского Союза Жуков. А полный георгиевский кавалер донской казак К. И. Недорубов стал в годы Великой Отечественной войны и Героем Советского Союза.

— И тогда их с батареей раздолбают, как плавучую мишень, — тихо сказал Вязников. — Или ночью десант возьмет их тепленькими.

Гайка глянула на Лесья: — Тогда, может, облутить батареи? — Отсюда не достать, — насупленно объяснил Лесья. — И вообще... Чем «Ладوشка» лучше батарей? — На батареях у меня дядя, — сказал Вязников. — Папин брат. Старший лейтенант... Ладно, пока... — и пошел, покачиваясь. Тонкий, слегка согнувшийся. Почему-то грустный.

И Лесья неожиданно сказал ему в спину: — Вязников! Ты правда уедешь отсюда? Он остановился, посмотрел через плечо.

— Не знаю. Может, да, а может, нет. Как получится у родителей, — и пошел опять. И скрылся за каштанами. — Лесья, не надо нам соваться в эти дела, — негромко, но твердо сказала Гайка. — Мы же не знаем, кто прав, а кто виноват. И вообще... там брат, а там дядя...

— Да никто не прав! Все посходили с ума: и дядя, и братья! — Лесья чуть не заплакал. — Но у тебя же не хватит энергии на всех! Лесья...

— Что? — ошарашенно вскинулся он. — Ты же сам говорил: виноваты инопланетяне! Если сбить их излучение... — она смотрела не на Лесья, а куда-то назад и вверх.

Лесья посмотрел туда же. Над каштанами Адмиральского бульвара видны были крыши Сигнальной горки. А над крышами блестел голубой куб новой метеостанции с белым шаровидным чехлом антенны.

Лесья сжал губы и поднял приклад к плечу. Потом нахмуренно глянул на Гайку:

— А как мы узнаем, что излучение прекратилось? — Увидим же, какая делается жизнь... — Это не сразу. А сейчас-то как?

— Лесья, мне кажется, шар лопнет и задымится. Лесья теперь не колебался. Убрал предохранитель, прицелился. И на три долгих секунды нажал спуск. Разумеется, ничего не случилось. Шар по-прежнему сверкал белизной — неподвижный, незыблемый.

Лесья враз, в один миг, понял, что все это — его сплошная выдумка. Не было никакой искры на круге затмения, а был просто блик на линзе. И не может быть никакой энергии луча. И «лейденская» банка — обычная пустая жестянка. И стеклянный кубик врет, когда разбивает мир на радужные картинки. И Безлюдные Пространства — просто оглохшие от зноя окраины Заповедника. И Бухта, о Которой Никто Не знает, — обычный закуток между скалами: кунальщики в него не лезят, потому что боятся крутых тропинок...

И так он стоял, прощаясь со сказкой и надеждой. Уже не смотрел на антенный шар, а смотрел на свои старые сандалии. Опустил деревянно-жестяную игрушку и слышал, как звенит вокруг беспощадное знойное солнце. И асфальт, и гранит были горячими, как броневые листы авиаматки...

— Лесья!! Смотри! Туда!! По шару шли змеистые черные трещины. Потом он распустился, как бутон, куски скорлупы откинулись. Гайка и Лесья увидели кузнечика.

Издаലെка он казался обыкновенным желтым кузнечиком. Но он занимал всю центральную площадку крыши.

Окончание следует

Рисунки А. Слепкова

Много реликвий, прославляющих русское оружие, бережно хранится в музеях, но есть и частные коллекции. — А могут ли эти награды кого-нибудь заинтересовать сегодня? — спросите вы.

Конечно. И сейчас у нас немало людей, которые собирают медали и ордена. Многие из них занимаются коллекционированием всю жизнь. В их коллекциях есть медаль «За Полтавскую битву», которая стала первой массовой русской наградой. Есть награды, связанные с именем Суворова, и серебряная медаль, которая вручалась за битву при Бородине. И многие другие...

Часто работники искусства обращаются к собирателям за консультацией, а то и с просьбой предоставить те или иные награды на время съемок фильмов, постановок спектаклей. Потому что случаются различные казусы.

Так, в фильме режиссера Бондарчука «Война и мир», в котором рассказывается о событиях Бородинского сражения 1812 года, на груди у Долохова — одного из героев романа Толстого висел Георгиевский крест Временного Правительства 1917 года.

После октябрьских событий все привилегии, титулы и ордена старой России были отменены. Рассказ о наградах советской армии мы продолжим в следующих номерах.

Вольт СУСЛОВ

Что общего между орденом св. Георгия, современным орденом Славы и медалью «За победу над Германией»?

(Ответ в следующих номерах.)

А вы слышали анекдот?!

ВЕСЕЛЫЙ

ЗВОНКО

— Мне пришла телеграмма, — говорит один приятель другому. — Ну и что там! — У моего брата родился ребенок. Правда, брат не написал — девочка или мальчик. Поэтому я не знаю, кто я теперь — тетя или дядя.

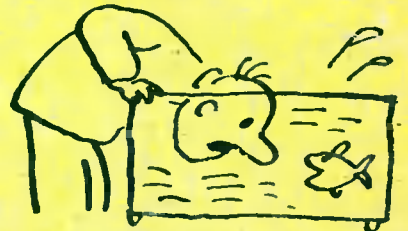

Учительница проверила Вовочкино домашнее сочинение и сказала: — Просто невероятно — разве может один человек сделать столько ошибок! — Почему — один! — ответил Вовочка. — Мы писали вдвоем с папой!

Вовочка обращается к маме: — Ты знаешь, у тебя уже несколько седых волос! — Да, — вздохнула мама, — родители всегда седеют, когда их не слушаются дети... — Теперь мне лоятно, — сказал Вовочка, — почему наша бабушка совсем седая!

Учитель пишет на доске химическую формулу. Потом спрашивает ученика: — Что это за формула! — М-м, она вертится у меня на языке... — Тогда выплюнь ее немедленно — это соляная кислота!

— Папа, — сказал Вовочка, — а я знаю, почему рыбы немые! — Ну и почему! — А ты сунь голову в воду и попробуй что-нибудь сказать!

Писемки:

Саша Александров (Башкортостан), Лена Славникова (г. Москва), Яна М. (г. Кемерово), Голя Акмен (г. Тверь), Зина Луцева (г. Иваново)

Друзья! Жду от вас новых „старых“ анекдотов. Читатель смеха